

ДАНИЭЛА СТИЛ

Возвращение

ЭКСМО

Даниэла Стил Возвращение

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=137829

Даниэла Стил. Возвращение: Эксмо; Москва; 2011

ISBN 978-5-699-46866-9

Оригинал: DanielleSteel, "Going Home"

Перевод:

Е. А. Кац

Аннотация

Вместе с Крисом в жизнь Джиллиан Форрестер вошли любовь и непростое счастье. Ее возлюбленный красив и беспечен, серьезные проблемы и ответственность не для него, а тем более ответственность за будущего ребенка. И вот в жизни Джиллиан появляется другой мужчина – серьезный и положительный Гордон Харт. Разрыв с Крисом кажется неизбежным. Но как мучителен бывает выбор и каким непростым оказывается возвращение к любви...

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	14
Глава 3	19
Глава 4	23
Глава 5	26
Глава 6	29
Глава 7	34
Глава 8	38
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Даниэла Стил

Возвращение

Глава 1

Стояло прекрасное солнечное утро. Звонок из рекламного агентства Карсона прозвучал в девять пятнадцать. Их стилист заболел, и им срочно требовалась помощь в съемках на побережье. Свободна ли я? Возьмусь ли я за это дело? Сколько? О да, я была свободна, согласна, и цену давали подходящую. Сто двадцать долларов в день, на всем готовом. После Нью-Йорка Калифорния казалась мне землей обетованной. Мной были довольны и платили щедро. Да и работа была непыльная. Нам с Самантой вполне хватало алиментов, а если раза два в неделю поступали заказы, можно было жить безбедно. Правда, иногда работы не было по несколько недель, но мы с дочкой не слишком расстраивались.

Мы уехали из Нью-Йорка в промозглую, сырую погоду и, словно первопроходцы, пустились на завоевание новых земель. Мне было двадцать восемь, ей почти пять, но трусили мы одинаково. Прекрасный новый мир¹. На этот раз нас ждал абсолютно незнакомый Сан-Франциско. А, где наша не пропадала! Риск – благородное дело.

Мы прожили там уже почти три месяца. К нашим услугам была маленькая квартирka, из окон которой виднелись бухта, лес мачт и лодки, пришвартованные к причалу яхт-клуба. Когда не было работы, мы с Сэм шли на пляж. Пока я валялась на солнышке, она носилась по песку или поднималась по лестнице на лужайку. А в Нью-Йорке еще лежал снег... Мы не ошиблись, это действительно был райский уголок. Стоило увидеть загорелую, пышущую здоровьем дочку или взглянуть утром в зеркало, и в этом не оставалось никаких сомнений. Я наконец-то ожила и помолодела лет на десять. Джиллиан Форрестер суждено было в двадцать восемь лет возродиться из пепла в городе, раскинувшемся на живописных холмах, между горными хребтами и безбрежной гладью океана. Сан-Франциско!

* * *

Я выглянула в окно, полюбовалась горой Тамальпаис и посмотрела на часы. Девять тридцать, а автобус от фирмы Карсона должны подать к десяти. Обычно мы ездили большой компанией, в которую, однако, не входили люди с киностудии. Автобус у них был собственный. И идеи тоже. Иногда я удивляюсь, зачем им понадобилась моя помощь. В рекламных агентствах всегда не прочь перестраховаться, но киношников обычно не интересует чужое мнение. Они вечно перешептываются: «Кто это? Как, стилист? Мужик, кончай заливать... Из Нью-Йорка? О боже!» Но мне плевать на это. Лишь бы агентствам нравилась моя работа и заказы поступали.

Школьный автобус уже заехал за Сэм, и у меня было время принять душ, натянуть старенькие джинсы, полотняную рубашку и туристскую куртку. Погоду предугадать трудно. Если съемка затянется, можно и замерзнуть: начало апреля все-таки. Да еще этот неотвязный туман... Я сунула ноги в походные ботинки, а волосы собрала в пучок на затылке. Вот и все. Теперь звякнуть соседке, попросить ее присмотреть за Сэм, когда девочку привезут из школы, и можно начинать гнуть спину на агентство Карсона.

¹ «Прекрасный новый мир» – название знаменитого романа-антиутопии (1932) английского писателя Олдоса Хаксли (1894 – 1963). (Здесь и далее прим. пер.).

Нам предстояло снять ролик с рекламой сигарет на скалистом берегу, к северу от Боли-нас. В нашем распоряжении было четверо статистов, несколько лошадей и куча всякого снаряжения. Требовалось изобразить непринужденный пикничок на свежем воздухе. Ну, свежего воздуха будет хоть отбавляй, а вот с непринужденностью придется повозиться. Да мне-то что! Моя забота – чтобы статисты выглядели пристойно и действительно напоминали людей, отправившихся на пикник, чтобы девицы правильно сидели верхом и чтобы никто не навернулся со скалы. Не так уж много за сто двадцать долларов в день, правда?

Ровно в десять под окнами просигналила машина, и я вышла из подъезда с «волшебной сумкой» на плече. Бинты, аспирин, транквилизаторы, лак для волос, немного косметики, блокнот, куча ручек и карандашей, шпилек, английских булавок и книжка – «Антология коротких рассказов», которую я все равно не успевала читать, но которая позволяла мне при случае изображать из себя «синий чулок».

Спустившись с крыльца, я увидела темно-зеленый пикапчик и джип, напоминавший армейский вездеход. Кузов был битком набит всяким барахлом. На заднем сиденье расположились две заспанные, укутанные шарфами девицы в свитерах под горло. Похожи они были как близнецы. Так, женская часть труппы... Впереди сидели два жутко мужественных типа с квадратными челюстями и короткими стрижками. Тоже в свитера упаковались! За версту было видно, что это гомики. А это, стало быть, на сегодня наша мужская половина. Замечательно! Впрочем, я давно перестала переживать из-за таких вещей. Сан-Франциско – это вам не Нью-Йорк, приходилось брать что дают. Королева красоты мужского пола, сидевшая ближе к окну, махнула рукой, дверца хлопнула, и ко мне двинулся улыбающийся широкоплечий коротышка. Черные как смоль волосы, кустистые брови... Ба, да это же Джо Трамино, с которым мы встречались на предыдущих съемках для Карсона! Их художественный руководитель и чертовски славный парень.

– Привет, Джиллиан! Как поживаешь? Рад тебя видеть!

– И я тоже. Неплохой день для съемок, правда? Эти парни в джипе тоже статисты?

Мы стояли на тротуаре, и он вращал глазами, словно какой-нибудь неаполитанец.

– Попала пальцем в небо. Они важные шишки. Все трое. Этому ролику придается огромное значение. Я тебя представляю. – Он засеменил к джипу, и один из типов опустил стекло. – Это наш стилист. Джиллиан Форрестер, или просто Джилл... Джон Окли, Хенк Тодд, Майк Уиллис.

Они кивнули, улыбнулись и пожали мне руку, но без особого интереса. Надо было выдать продукцию на пятьдесят тысяч, выжатых из богатого клиента, и больше их ничто не волновало. Им не до обмена любезностями с каким-то стилистом!

– С кем поедешь, с ними или с нами? Все равно будет тесно, так что разница невелика.

Джо пожал плечами и принялся ждать, пока я не приму решение. Я знала, что нравлюсь ему. Он называл меня «симпатичной бабенкой». Мы отличались как небо от земли. Я – высокая шатенка с голубыми глазами. Для меня в этом сочетании не было ничего особенного, но оно ему нравилось. И от моего зада он тоже был без ума.

– Я поеду в пикапе, Джо. Ничего, жарко не будет... Рада была познакомиться с вами, джентльмены. Увидимся на месте. – Я отошла от джипа и прыснула, посмотрев на Джо. – Что, удивился? Ты считал меня задавакой?

Я по-дружески ткнула его в бок и залезла на заднее сиденье, к девушкам. Одна из них спала, а другая читала журнал. Парни впереди часто упоминали слово «магазин»; по их мнению, современная мужская мода ни черта не стоила. Джо закатил глаза, криво усмехнулся мне в зеркало заднего вида, выжал сцепление, и мы тронулись с места, объехав стоявший впереди джип. Перед нами лежала Ломбард-стрит, ведущая напрямик к мосту Золотые Ворота.

– О господи, Джо, ты ведешь машину как настоящий итальянец!

Пришлось ухватиться за спинку переднего сиденья, чтобы не потревожить спящую девушку.

– Я и любовью занимаюсь как итальянец.

– Не сомневаюсь.

– А зря. Не мешало бы испытать меня для начала. Попробуй... Тебе понравится.

– Как-нибудь непременно, – улыбнулась я и погрузилась в собственные мысли, пока мы не добрались до моста Золотые Ворота. Этот мост неизменно подавлял меня мощью и величием. Каждый раз я задирала голову и, как ребенок, дрожала от удовольствия. Его оранжевые опоры четко вырисовывались на голубом небе, почему-то напоминая нитку, на которой болтается воздушный змей.

– Ну что, это тебе не Нью-Йорк? – фыркнул Джо, увидев на моем лице блаженную улыбку.

– Да уж. При виде вашего моста кто угодно почувствует себя деревенщиной.

– погоди, сейчас ты его увидишь во всей красе!

Он откинулся на спинку сиденья, дернул какую-то рукоятку на потолке, и крыша плавно скользнула назад, открывая великолепную картину. Прямо над головой стоял освещенный солнцем мост Золотые Ворота, а в лицо дул свежий ветер Северной Калифорнии.

– Вот это да! Можно встать? – Зазор был уже вполне приличный.

– Можно. Только не наступи на девушек. И поглядывай, нет ли поблизости полицейских, а то они живо наклеят мне на стекло квитанцию.

Я слегка расставила ноги и выпрямилась. Джо следил за мной в зеркало. Все-таки в нем действительно было много итальянского. Как и в этом мосте! Дышалось с трудом, волосы хлестали по лицу. А над головой был... он. Мой мост. Мои горы, мое море. А сзади – мой город. Моя Калифорния. Изумительно...

Когда я села на место, Джо дернул меня за куртку:

– Что, здорово?

– Ага!

– Все вы, янки, с приветом...

Но было видно, что он доволен. Вообще в машине царила дружеская атмосфера, все думали о деле, собирались вкалывать на совесть и не филонить. Ничего подобного в нью-йоркских агентствах и редакциях журналов я не видела. В Калифорнии все было по-другому.

– Кто снимает ролик? Шэззем или Баркли?

Я знала, что фирма Шэззема принадлежит к «новой волне» и снимает большинство клипов в городе, а Баркли – самая уважаемая здешняя кинокомпания.

– Ни тот ни другой. Вот поэтому-то и съехались все шишки. Они рвут на себе волосы. Я нашел новую фирму. Ребята молодые, но ушлые. У них пока даже и студии нет, только команда с одним чокнутым парнем во главе. С виду они лодыри и шалопаи, но вкалывают на совесть и берут недорого. Думаю, они тебе понравятся. Работать с ними можно.

Я машинально кивнула, ломая голову над тем, понравлюсь ли я им. Едва ли «шалопаем» придется по душе стилист из Нью-Йорка, даром что я не очень на него похожа.

К тому времени мы миновали Созалито, Милл-Вэлли и выехали на продуваемую ветром горную дорогу, которая вела к Стинсон-Бич. Вдалеке уже виднелись огромные деревья. Вокруг пахло эвкалиптом, и постепенно стало казаться, что мы действительно едем отдыхать на лоно природы, а не работать.

К тому времени все статисты проснулись и пришли в хорошее расположение духа. Мы обогнули гору и онемели от восторга. Появилась глубокая перспектива, горы словно сжались, неожиданно превратившись в причудливую грудку скал, о которые с грохотом разбивался пенистый прибой. Все вокруг было ярко-зеленым, серо-коричневым и ослепительно-голубым. В общем, рай земной.

Мы спустились с горы, распевая во все горло, а потом на всякий случай проехали дальше, за Болинас. Черт его знает, как называлось это место. Там было еще красивее. Больше гор, больше скал, больше колорита. Я обрадовалась, что поехала с ними.

– Джилл, ты выглядишь как пацан на дне рождения...

– Умолкни, чертов даго!² Это на меня место действует.

– Куда до этой красоты твоему Нью-Йорку!

– Да уж...

– То-то! – Джо одарил меня улыбкой и съехал с шоссе на пыльную колею, уводившую куда-то в холмы.

– Черт побери, где мы?

Статисты крутили головами, но ничего не было видно. Казалось, здесь не ступала нога человека. И ни следа съемочной группы.

– Потерпите минутку. Ребята три недели разыскивали что-нибудь подходящее. Фантастика! Местечко принадлежит одной бабусе, которая живет на Гавайях и сюда уже несколько лет не навещалась. Мы уговорили ее сдать нам на денек всю эту красоту.

Доехав до поворота, мы покатались вниз, к равнине на полпути между холмами и скалами. Прибой бился о берег как бешеный, деревья на скалах трепало ветром, словно флаги. Из воды выступали мрачные скалы, от них летели такие брызги, что чуть не доставали до деревьев. Может, отдельные капли и доставали.

Я снова увидела джип. Как это они ухитрились нас обогнать? В стороне стояли трейлер с лошадьми, какая-то разбитая легковушка и потрепанный грузовичок, битком набитый хиппи. Мы поодиночке вышли из пикапа и тут же сбились в кучу, словно собрались разыграть шоу прямо на дороге.

Встревоженные «шишки» из агентства Карсона стояли чуть поодаль, уставившись в свои блокноты. Статисты тут же заскочили обратно в пикап и занялись гримом и прическами, оставив меня с Джо и группкой расхристанных парней, которые выглядели так, словно день назад сбежали из дома.

Я следила за тем, как они играючи таскали свое неподъемное оборудование. Джо стоял у кабины с каким-то высоким светловолосым малым. Сильное, мускулистое тело, густая шапка волос, широко расставленные глаза и потрясающая улыбка, от которой на щеках появлялись ямочки. Он тоже рассматривал меня.

– Джилл, подойди на минутку, – окликнул Джо, и я направилась к ним, пытаюсь сообразить, кем бы мог быть этот мальчишка. Он выглядел младше остальных и едва ли годился кому-нибудь в начальники.

– Джиллиан Форрестер – Крис Мэтьюз, директор этого сумасшедшего дома.

– Здравствуйте! – Улыбка стала еще шире, и я убедилась, какие у него великолепные зубы. Глаза были цвета молодой зелени. Он не протягивал руки и, казалось, вообще не интересовался тем, кто я такая. Просто стоял на месте и кивал мне, поглядывая на свою команду и продолжая беседовать с Джо. Это меня слегка задело.

– Эй, куда вы? – спросил Крис, когда я повернулась спиной.

– Я вижу, вы оба заняты. Пора и мне приняться за дело.

– Подождите секунду, я пойду с вами. Надо же взглянуть, кого я снимаю.

Он оставил Джо и вместе со мной двинулся к холмам, пиная сорняки и поглядывая на небо. Ухватки у него были совершенно мальчишеские.

Я с облегчением убедилась, что статисты выглядят вполне прилично. Они были профессионалами, и ссориться с ними не следовало. Неделию назад мне пришлось иметь дело с целым выводком хиппи, которые даже причесаться толком не умели.

² Даго – американское презрительное прозвище итальянца, испанца, португальца.

Крис остановился рядом, секунду помедлил и вдруг рявкнул:

– Джо!

Тот моментально обернулся. Черт побери, вот это глотка! Видно, возникла какая-то проблема. Ладно, пусть разбираются...

– Вот он я. В чем дело? – насторожился коротышка, чувствуя, что назревают неприятности. И это на глазах у начальства!

– Слушай, мы же договаривались не вылезать из бюджета. Ты привез пятерых, а речь шла только о четверых.

– Как это? – растерялся Джо, заглядывая в машину. – Да нет же! Ты что, считать не умеешь? Раз, два, три, четыре, – для верности потыкал он пальцем в каждого. – Все верно. Четыре.

– Пять, – указал Крис, и мы с Джо разразились хохотом. Он и меня сосчитал!

– Да нет же, четыре. Успокойтесь, я всего лишь стилист. Разве вас не предупредили?

Джо по-приятельски ткнул его в бок. Крис тоже рассмеялся, показав свои прелестные ямочки на щеках.

– О боже, никто и словом не обмолвился! Откуда же мне было знать? Мое дело – картинка. Никогда бы не подумал, что вы не кинозвезда!

Он впился в меня долгим оценивающим взглядом.

– Лесть вам не поможет, мистер Мэтьюз.

– Почему же? Подружиться со стилистом никогда не мешает. Берите ноги в руки, леди. Съемка начнется через пять минут. Знаете, что случится, если статисты не будут готовы? – Он смотрел на меня недружелюбно и даже гневно. Нет, пожалуй, здешние нравы не так уж отличаются от нью-йоркских. Киношники всюду одинаковы. Поэтому я лишь молча кивнула в ответ. Пусть повыпендривается. – Мы просто умеем руки. Думаете, я стану пахать на вас весь день? Ошибаетесь!

Он недовольно потряс головой и вдруг плутовски подмигнул мне и Джо. Мы снова разразились хохотом, но вскоре Трамино опомнился и попытался сделать серьезное лицо. За нами следили из джипа.

– Слушай, ты, ленивый ублюдок, перестань пугать моего лучшего стилиста. Живо уноси отсюда ноги. Мотай, мотай!

Джо издал воинственный клич, и Крис понесся вниз по склону. Действительно, пора было начинать.

Лошади были оседланы, статисты одеты и загримированы, камеры расставлены по местам. Один из помощников Криса разжег костер, и я подошла удостовериться, что продукты, которые мы привезли с собой, подходят для съемок пикника. Они плотно спрессовались – именно то, что нужно. Я разложила их на траве, ослабила шарф на шее одного из статистов, чуть поддурманила второго, пригладила волосы девушкам и ушла. Во время съемок работы было немногим больше.

Я с удовольствием наблюдала за работой Криса. Он шутил, снимал из самых невероятных положений и непрерывно тормозил статистов. Через полчаса от нас валил пар, а «шишки» не знали, то ли начинать метать громы и молнии, то ли впадать в панику. Вдруг он исчез за краем холма, и у меня похолодело внутри. Я была уверена, что мы лишились оператора, и вместе с Джо бросилась к обрыву, пытаюсь понять, что случилось. О боже, его нигде не было!

– Крис! – завопил Трамино. Эхо повторило его крик, но тут я увидела мистера Мэтьюза собственной персоной.

– Тсс... Что вы собираетесь делать? Подбирать мои бранные останки? Я просто решил перекурить. Спускайтесь сюда.

Он сидел в нише под обрывом, оседлав густой куст и дымя сигаретой.

– Ну ты, трепло чокнутое, какого черта... – злобно, но с видимым облегчением прорычал Джо. А меня разобрал нервный смех. Малый был не подарок, однако держался так непринужденно, что ему запросто можно было простить все прегрешения.

– У нас что, перерыв? – Я пыталась не показать виду, что испугалась. На какое-то мгновение мне почудилось, что он действительно погиб.

– Ага. Точно. Вы курите?

– Да. Но не на работе.

– Что, съел, ублюдок? Вылезай отсюда и принимайся за дело. Что я скажу этим проклятым надсмотрщикам? – занервничал Джо.

– Что ты им скажешь? – Крис с удовольствием включился в игру. – Скажи, что они могут...

Джо жестом прервал его и беспомощно развел руками.

– Скорее, Крис... Пожалуйста...

Положение было дурацкое. Мы с Джо наклонились над краем пропасти, пытаюсь разговаривать с невидимым собеседником, а герой дня в это время покуривал марихуану. Остальные уже поняли, что все в порядке, но со стороны это выглядело ужасно глупо.

– О'кей, малыш Джо. Сейчас иду.

Длинное, костлявое, мускулистое тело Кристофера Мэтьюза показалось над обрывом. Он полез в карман, вынул оттуда игрушечную плетку и взмахнул ею в воздухе. Затем на свет появился водяной пистолет.

– Пошли, ребята, зададим им перцу!

Он с увлечением принялся поливать всех вокруг, не исключая и «шишек» от Карсона.

– По местам! За дело!

Из другого кармана Крис вынул солнечные очки, водрузил их на нос и начал разыгрывать из себя директора. Я вернулась к костру и проверила, как дела. За это время на месте «пикника» успела потоптаться лошадь. Минут десять ушло на то, чтобы восстановить порядок, а затем я присела на подножку машины Криса, почувствовав себя совершенно бесполезной. Эти съемки запомнятся мне надолго! В жизни не видела ничего смешнее...

– Ну как тебе, Джилл? – спросил обессиливший Джо, опускаясь рядом и раскуривая сигару.

– Трудно сказать. Одно из двух: либо это будет шедевр, либо полный провал. Поживем – увидим. Но работает он здорово. Сколько ему лет? – По моим расчетам выходило, что ему года двадцать два и что он моложе этих типов из «новой волны».

– Хотел бы я сам это знать. Должно быть, около тридцати, хотя ведет он себя словно двенадцатилетний мальчишка. Но это настоящий мужик. Смотри, как он управляется со своей командой. Будем надеяться, все кончится удачно, иначе мне придется искать себе другое место.

Тихонько посмеиваясь, я следила за тем, как каждый занимался своим делом. Люди Криса смотрели ему в рот, статисты чувствовали себя абсолютно непринужденно, и все шло своим чередом. Трудно было сказать, сколько прошло времени, но съемка явно подходила к концу. И когда Крис, стоя посреди толпы, вдруг зашатался и схватился за сердце, я сразу поняла: все, шабаш. Он не валял дурака. То ли болен, то ли обкурился. Крис осел наземь и потерял сознание.

В ту же секунду мы с Джо оказались рядом. Трамино бережно перевернул его на спину, я принялась нащупывать пульс. Крис открыл глаза, хихикнул и расплылся в мальчишеской улыбке.

– Ловко я вас обдурил, а?

Он недолго радовался. Джо прижал его к земле и молча указал на ведро, из которого поили лошадей.

Я сбегала за ним, отлила немного воды, чтобы легче было тащить, а остальное выплеснула на голову симулянта. Он захохотал еще громче, извернулся, и оказалось, что я лежу на земле, а Крис дергает меня за растрепавшиеся волосы. В эту минуту люди Карсона поднялись с мест, пытаюсь понять, что происходит. Операторы и статисты затеяли перебранку, Джо силился перекричать шум и всех успокоить, а я продолжала бороться с Мэтьюзом. Вдруг что-то уперлось мне в ребра, и я стала вырываться из его рук, пытаюсь понять, что это такое.

– Не двигаться, Форрестол. Вставайте и идите вперед.

Эта фраза и выражение лица были взяты напрокат из какого-то второразрядного вестерна.

– Во-первых, моя фамилия Форрестер, а во-вторых, что это значит? – Я пыталась говорить спокойно и в то же время грозно. Но не слишком преуспела.

– Предстоит скачка, юная леди. Так что двигайтесь поживее, но не привлекая к себе внимания. – Он продолжал нести вздор, однако к моим ребрам было прижато дуло! Черт меня дернул связаться с Джо. Польстилась на сто двадцать баксов в день, чтобы схлопотать пулю за здорово живешь... Что будет с Самантой? – Быстрее, быстрее. Это...

Он крался рядом, а я лихорадочно разыскивала взглядом Джо. Суматоха продолжалась. Руки, ноги, пролитая вода... Крис привел меня к лошадям и принялся отвязывать одну из них от задка трейлера, по-прежнему не опуская пистолета.

– Черт побери, прекратите дурачиться! Комедия окончена. – По крайней мере для меня.

– Напротив, все только начинается. – Он увидел валявшийся на земле мегафон, поддел его ногой, подбросил в воздух и поймал, умудрившись не выпустить из рук ни поводьев, ни пистолета. Казалось, Крис точно знает, что делает. С его лица не сходила ослепительная улыбка. К черту эту улыбку! С меня достаточно. – Бруно! – громыхнул мегафон. – Около восьми заедешь за мной к «Уотсону» в Болинас. – Кто-то в толпе помахал рукой, и в ту же секунду дуло больно ткнуло меня в бок. Кто такой Уотсон? Почему около восьми? Сейчас всего лишь начало второго. Что он задумал? – Садитесь. Умеете ездить верхом? – Взгляд у него стал тревожным, как у мальчишки, получившего в подарок ружье без патронов.

– Умею. Но ничего смешного в этой истории не вижу. У меня дочка, и если вы выстрелите, то многим испортите жизнь! – Это звучало ужасно мелодраматично, но ничего другого тогда мне в голову не пришло.

– Учту, – только и ответил он.

Я забралась в седло, радуясь, что не сняла ботинок. Что дальше? Он уселся позади, не отводя пистолета, и погнал лошадь сначала быстрой рысью, а затем коротким галопом. Меня вновь охватило беспокойство. Вдруг пистолет выстрелит сам собой? Вдруг лошадь сломает ногу в этих безлюдных горах?

Через минуту мы были далеко от места съемки и оказались в таком сказочно прекрасном уголке, что я охотно полюбовалась бы им, если бы ехала на машине. Но лошадь совсем другое дело. Черт с ними, с этими красотами. И тут меня затрясло от злости на ненормального мальчишку, играющего моей жизнью. Сопляк, выскочка, лезет на рожон, хиппи несчастный! Скотина, думает, ему все позволено – срывать съемки, притворяться мертвым или упавшим в обморок, стрелять в меня... Нет уж, дудки! Я собралась с силами. Сейчас как дам – и сброшу его с лошади! Но стоило повернуться, и в лицо тут же ударила струйка холодной воды. Водяной пистолет... Так вот что упиралось мне в ребра!

– Ах ты, подлый, гнусный... – зашипела я, пытаюсь протереть глаза. – Дерьмо такое! Я думала...

– Молчать! – Он брызнул мне прямо в рот, и я затряслась от хохота. Нет, к Кристоферу Мэтьюзу эти эпитеты не подходили!

Лошадь давно стояла на месте, но я поняла это только тогда, когда наконец протерла глаза. Со скалы открывался вид на безбрежный Тихий океан.

– Красиво, правда?

Лицо его было безмятежным, как у отдыхающего ковбоя. Озорной ребенок куда-то исчез. Я кивнула и засмотрелась на волны. Вот она, страна, в которую я стремилась всю жизнь! Безумная скачка по горам и приставленный к спине пистолет остались позади, и я зачарованно следила за парившей над водой птицей, мечтая присоединиться к ней.

Крис медленно повернул меня лицом к себе и поцеловал. Это был долгий, нежный, крепкий поцелуй. Поцелуй не свихнувшегося мальчишки, а мужчины.

Когда наконец мы оторвались друг от друга, он довольно улыбался.

– Вы мне нравитесь, леди. Как, вы сказали, вас зовут?

– Иди к черту!

Я забрала у него поводья, велела держаться покрепче и сама стала править лошадью. Наверное, это единственное, что у меня неплохо получалось. Я научилась ездить верхом в пять лет. Дух захватывало от скачки по безлюдным горам. Красивая длинноногая кобыла, красивый парень, хоть и с большим приветом...

– Ладно, торопыга. Править ты умеешь. Но, скажи на милость, куда ты собираешься ехать?

Я хмыкнула и покачала головой. Разметавшиеся по ветру волосы хлестнули его по лицу, однако Крис не обратил на это внимания. Волосы у него были немногим короче моих.

– Итак, куда же?

Почем я знаю? Мы находились в его краях. Я здесь всего лишь гостья. Счастливая гостья.

– Тогда едем в Болинас. Сейчас назад, к дороге, а потом направо. Только, ради бога, не упади в воду. Я не умею плавать.

– Опять врешь!

Все же я последовала его совету, заставила лошадь спуститься и трусцой пробежать до нужного поворота.

– Теперь направо.

Крис дернул поводья, я попыталась в отместку шлепнуть его, но в ухо мне уже смотрел водяной пистолет.

– Знаете, кто вы такой, мистер Мэтьюз? – спросила я, пытаюсь перекричать ветер. – Что-то вроде геморроя. И хулиган в придачу.

– Именно так меня и называют. Эй, теперь направо, а потом налево!

Машин на дороге почти не было, и я пустила лошадь вскачь. Мне начинал нравиться этот лохматый оболтус с водяным пистолетом. Он крепко держал меня за талию, и его бедра прижимались к моим.

– Сюда?

Мы находились в неописуемо прекрасном месте. Видно, берег был совсем рядом, но его заслоняли буйно разросшиеся деревья.

– Скачи прямо. Сейчас ты кое-что увидишь.

И я увидела. Длинная полоса песчаного пляжа, море и бухта с таким же чудесным пляжем на противоположном конце, в паре миль от нас. А дальше снова горы, спускающиеся к самому морю. Незабываемое зрелище.

– Ух ты!

– Здесь Болинас, а там – Стинсон-Бич. Плавать умеешь?

Видимо, выражение моего лица его удовлетворило. Крис спрыгнул с лошади и протянул руки. Только оказавшись с ним рядом, я поняла, как он высок. Во мне было пять футов семь дюймов, а в нем по меньшей мере шесть и три³.

³ 170 и 190 см соответственно.

– Я-то умею, а вот ты нет. Забыл?

– Ничего, я научусь.

У меня возникло смутное подозрение. Что он задумал? Крис сбросил куртку, ботинки и принялся стаскивать с себя рубашку. Что дальше? Джинсы? А вдруг он на этом не остановится?

– Что смотришь?

– Сначала ответь, что ты делаешь!

Он прекратил раздеваться и уставился на меня.

– Я думал вместе с лошадей переплыть бухту – тут совсем недалеко – и совместить приятное с полезным. Снимаю одежду, я привяжу ее к седлу.

Ага... Понятно. Приятное с полезным. С полезным, говоришь? Ну ладно...

Я завязала волосы узлом, сняла куртку, ботинки, рубашку, джинсы... и трусики. На пляже было безлюдно. Апрель стоял теплый, но днем во вторник мало кому придет в голову купаться, так что в Болинас, кроме нас, не было ни души. Мы с Кристофером Мэтьюзом стояли лицом к лицу совершенно обнаженные и блаженно улыбались. Казалось, лошадь сильно интересовало, что будет дальше. Меня, впрочем, тоже. Интересно, что предпримет Крис? Набросится на меня, изнасилует, брызнет в лицо из пистолета или придумает что-нибудь новенькое? Он человек непредсказуемый. Но все оказалось намного проще. Крис деловито привязал мою одежду к седлу и повел лошадь к воде. Когда всех троих коснулись холодные волны, он даже не охнул, только обернулся и посмотрел, что со мной. Я держалась молодцом. Вот только зад сразу отмерз, но легче было умереть, чем признаться в этом. Я нырнула, надеясь, что под водой окажется теплее, и поплыла вслед за Крисом к противоположному берегу. Оказавшись на поверхности, я улыбнулась и поглядела на хулигана через плечо. Невероятная история: я в Калифорнии, переплываю бухту наперегонки с лошадей и чокнутым молодым киношником! Неплохо, миссис Форрестер, совсем неплохо...

Мы медленно выбрались на берег, и Крис привязал лошадь к лежащему на песке бревну. Здесь тоже не было никого. Все выглядело как в кино или во сне. Он растянулся на солнышке и закрыл глаза, даже не пытаясь подойти ко мне. В общем, делал что хотел и никак не посягал на мою свободу.

– Крис, ты всегда снимаешь так, как сегодня?

Я целомудренно распласталась на песке чуть поодаль, подперла голову руками и принялась разглядывать океан.

– Не всегда, но часто. Нет смысла работать, если все начинает валиться из рук. – Похоже, он действительно в это верил.

– Джо тебя хвалит.

– У Джо на плечах не голова, а тыква, но он хороший парень. И работу подбрасывает регулярно.

– Мне тоже. А я в ней здорово нуждаюсь. И работать с ним легко.

Тему для разговора мы нашли приятную, но я тихонько хихикала. Лежат голые мужчины и женщина, греются на солнышке и болтают о работе!

– Откуда ты, Джилл? Из Новой Англии?

– Из Нью-Йорка. Лучше не напоминай.

– Да уж, местечко не из приятных. Я бы ни за какие коврижки не согласился лететь туда. Смотреть на землю с высоты в сорок тысяч футов – брр! Голова закружится.

– Может, ты и прав. Я прожила здесь три месяца и наконец почувствовала себя человеком.

– Замужем? – Вообще-то он мог спросить меня об этом пораньше, но таков, вероятно, его стиль.

– Нет. В разводе. А ты?

– Еще чего не хватало! Свободен, как вон та птица. – Он указал на парившую над водой чайку. – Это лучший способ существования.

– Иногда бывает одиноко. Не согласен?

Не похоже, чтобы он сильно страдал от одиночества. В его взгляде не чувствовалось тоски человека, пытающегося выжить.

– Да, наверное, но... У меня много работы. И я не так уж часто об этом думаю.

Я завидовала ему. Наверняка у Криса есть подружка, но спрашивать об этом не хотелось. Не желаю ничего знать. В кои-то веки мне повстречался мужчина с изюминкой и чувством юмора...

– Ты смахиваешь на «яйцеголовую»⁴. Я не ошибся?

Он перевернулся на живот и посмотрел на меня с легкой насмешкой.

– «Яйцеголовую»?

Он кивнул. Я задумалась. Да, пожалуй... А что в этом плохого?

– Ну да, я «яйцеголовая».

– Небось читаешь слишком много. – Теперь кивнула я. – Поэтому и чувствуешь себя чертовски одинокой.

Я снова кивнула, но разговор начинал действовать мне на нервы. Этот мальчишка поглядывал на всех свысока, словно действительно обитал на Олимпе.

– А ты слишком много болтаешь.

Я встала, мельком поглядела на него и шагнула в воду. Крис был очень мил, но мне захотелось на минутку побыть одной. Казалось, он многое повидал и крепко стоял на ногах. И все же я бы сумела позаботиться о нем. И о его душе, и о теле. Он мне ужасно нравился... Да, Крис Мэтьюз был именно тем мужчиной, которого я ждала, но стоило ему появиться, как меня бросило в дрожь.

Внезапный всплеск заставил меня встрепнуться. Я быстро обернулась. Нет, никакого морского чудовища поблизости не было. Это всего лишь Крис. Он перевернулся и поплыл на спине. Ох, этот большой ребенок... Я подумала, он поднырнет под меня или начнет брызгаться, но ничего такого не случилось. Крис осторожно приблизился и поцеловал меня.

– Давай вернемся, – спокойно сказал он, и это меня обрадовало. Старовата я для таких игр.

Мы бок о бок доплыли до берега, и я направилась к нашему лежбищу, но Крис поймал меня за руку.

– Я хочу тебе кое-что показать, – сказал он, указывая куда-то в сторону.

Мы сделали несколько шагов и увидели крошечный грот, прятанный в густой траве. Он был похож на потаенный сад. И внезапно я вновь почувствовала себя юной, сильной и желанной. Я хотела его, и он знал это, а я знала, что он хочет меня... Нет, нет, слишком быстро, мы впервые видим друг друга... Это никуда не годится, это... На меня напал столбняк.

– Крис... я...

– Тсс... Все будет хорошо.

Нас скрывала высокая трава, ноги тонули в песке. Он обнял меня, земля зашаталась и остановилась лишь тогда, когда мы легли и я отдалась ему.

⁴ «Яйцеголовые» – пренебрежительное прозвище американских интеллигентов.

Глава 2

– И часто ты это делаешь, Крис?

Солнце стояло еще высоко, и мы продолжали лежать в гроте.

– Что? Пистон вставляю? Ага... Частенько.

– Я не об этом, зазнайка паршивый. Я имела в виду, часто ли ты занимаешься любовью в этом гроте. С женщинами, которых ты даже не знаешь толком.

Мне было не до шуток. Интересно, как Крис открыл этот грот?

– Ты о чем это? Тебя-то я как раз знаю. Твоя фамилия... М-м-м... Подожди минутку. Твоя фамилия... – Крис почесал в затылке. Вид у него был глуповатый. Чувствовалось, что он задет за живое. Я рассмеялась.

– Ладно, все понятно. Тебе до этого нет никакого дела, правда?

– Возможно. Не будь занудой. Вы, нью-йоркцы, ужасно любопытные.

– Да неужели?

Я постаралась вложить в эти слова как можно больше иронии, но знала, что он прав. Жители Нью-Йорка общительнее калифорнийцев. Наверное, их страшно утомляет жизнь в окружении толпы незнакомых людей, поэтому они вцепляются в каждого встречного-попечного и засыпают его кучей вопросов.

– Джилл, не хочешь покататься верхом?

– Вдоль берега?

Он кивнул и что-то подобрал с песка.

– С удовольствием. Но на этот раз я поеду сзади.

– И без седла, согласна?

– Еще бы!

– Тогда вставай, янки, – еле слышно прошептал он, наклонился, поцеловал меня и помог подняться. Все в нем дышало чувственностью. Он наслаждался жизнью в полной мере, но выше всего на свете ценил занятие любовью. – Вот... Я нашел тебе подарок.

Пока мы шли к лошади, он что-то сунул в мою ладонь. Этот юморист мог всучить мне найденную в песке медузу или что-нибудь похлеще. Но я ошиблась. Это был «песчаный доллар», странная ископаемая ракушка с отпечатком цветка на обеих сторонах. Она была тоненькой, почти прозрачной и удивительно красивой.

– Ух ты... Спасибо, Крис, это замечательно!

Я потянулась, поцеловала его в шею и ощутила, как внутри вновь просыпается желание. Мужчины у меня не было со времен приезда в Калифорнию, даже дольше, а Крис, как ни крути, мужчина что надо.

– Кончай целоваться, а то я отделаю тебя на глазах у всех...

– Обещаешь только!

Он прекрасно понимал, что я дразнюсь, но сграбастал в охапку, и мы действительно занялись любовью прямо на пляже. А когда все кончилось, нас разобрал смех.

– Известно ли вам, мистер Мэтьюз, что вы полоумный?

– Сама напросилась, а потом обзывается...

– Чушь собачья. Не обращай внимания. Если ты думаешь, что я считаю тебя в чем-то виноватым, то ошибаешься. Я счастлива.

– И я... А теперь поехали.

Сняв с лошади седло, он опустил его на песок, похлопал кобылу по бокам, ловко прыгнул ей на спину и протянул мне руку.

– Чего ты ждешь, Джилл? Манны небесной?

– Нет, другого. Счастья. Я люблю тебя.

Действительно, было на что полюбоваться. На буланой лошади гордо восседал высокий всадник, светлая шерсть подчеркивала бронзовый цвет его кожи, и красота этих фигур заставляла вспомнить читанные в детстве древнегреческие стихи. От нее захватывало дух.

– Ты тоже ничего себе. А теперь прыгай сюда.

Он снова подал мне руку, я уселась позади, обхватила его за талию, и мы понеслись навстречу ветру. Никогда я не испытывала такого наслаждения. Скакать по пляжу на золотистой кобыле, прижимаясь к любимому... Любимому? Крис... Я едва знала его, но разве это имело значение? Да, я полюбила его. С первого взгляда.

Мы носились взад и вперед до самого заката, а потом немного поплавали, стремясь отсрочить отъезд.

– Ну что, поплывем обратно? – спросила я, слегка нервничая. Вода прибывала, но он и сам видел это.

– Нет, теперь поедem по дороге. Это не так весело, зато менее рискованно.

– Ах вот как? Я начинаю подозревать, что ты придумал этот заплыв только для того, чтобы заставить меня раздеться! – На самом деле ничего подобного мне и в голову не приходило.

– Ты так думаешь? – На его лице появилось обиженное выражение, и я тут же прикусила язык. – Что ж, ты угадала!

Он довольно рассмеялся, а я стояла и смотрела на большого мальчишку, ранившего меня в сердце выстрелом из водяного пистолета. Неплохо.

– И что дальше, синьор самовлюбленный бандит? Свяжете обнаженную женщину и бросите ее в телефонную будку, где она проваляется до утра? – Он был вполне способен на такое.

– Нет. Я собираюсь накормить тебя. Неплохо звучит?

– Внутривенно, что ли?

– Джиллиан, ты несносна! Мы едем в «Уотсон-хаус». Это жемчужина Болинас. Тебе не доводилось бывать там?

– Никогда.

– Значит, тебя ждет сюрприз.

Мы сели верхом, мелкой рысью проскакали до общественного пляжа, шагом провели лошадь через пустующую стоянку для машин и наконец выбрались на дорогу. До Болинас было всего пятнадцать минут езды, и мы успели попасть туда в тот момент, когда солнце скрылось за горизонтом и все небо окрасилось в золотые и багровые тона.

Остановившись перед обветшавшим викторианским⁵ домиком, мы привязали лошадь, и я огляделась по сторонам. Взад и вперед сновало множество хиппи, а на домике красовалась лаконичная вывеска «Уотсон-хаус».

– Что это за место?

– Ресторан, глупышка. А ты что думала?

– Откуда мне знать? Эй, кстати, я должна позвонить соседке и предупредить, что задержусь. Она позаботится о моей малышке.

– Хорошо. Внутри есть телефон.

Он поднялся на крыльцо и без стука открыл дощатую дверь. «Уотсон-хаус» был похож на обыкновенный дом, принадлежащий большой семье, и ничем не напоминал ресторан. На веревках сушилось белье, в глазах рябило от разномастных велосипедов и мотоциклов, а на траве играли две кошки и собака. Все здесь выглядело по-домашнему уютным. Видно, Крис Мэттьюз был тут завсегдатаем.

⁵ Архитектурный стиль времен правления английской королевы Виктории (1837 – 1901).

– Привет честной компании. Как делишки? – спросил он, направившись прямо на кухню и ткнувшись носом в кастрюлю, стоявшую на девственно-чистой плите. В комнате находились три девушки и мужчина. У мужчины были волосы до талии, заботливо перехваченные кожаным шнурком, поверх джинсов было надето что-то вроде пижамы, но больше всего меня поразили искристые, добрые глаза, окруженные буйной растительностью. На лице мужчины не шевельнулся ни один мускул, но глаза выразили живейшую радость.

– Джиллиан, это Брюс... Анна, Пенни и Бет. Они здесь живут.

Брюс и девушки дружно воскликнули: «Привет!» – и Крис погнал меня в маленькую комнату, которую ярко освещали лампы в стиле королевы Виктории и Тиффани.

– Что это за место, Крис? Тут очень уютно.

– Еще бы! Вообще-то это коммуна хиппи, но, чтобы держаться на плаву, они завели ресторан, в котором, черт побери, кормят лучше, чем где-нибудь еще на побережье. Попробуй здешний эскалоп – ручаюсь, пальчики оближешь!

– Попробую.

Так оно и вышло. Я облизала пальцы. Петух в винном соусе, хлеб домашней выпечки, салат, шоколадный мусс и вишневый пирог эскалопу не уступали. Это был королевский обед. Крис не соврал: кормили тут отменно. Но этого было мало. Очаровывала царившая здесь дружеская атмосфера. Я не ошиблась: в этом доме действительно жила большая семья со множеством детей. В настоящий момент она насчитывала двадцать семь человек, и каждый вносил в работу ресторана свою лепту. Они вихрем носились взад и вперед, пока мы сидели при свечах за одним из восьми столиков. Казалось, все тут знали Криса, и каждый считал своим долгом на пару минут присоединиться к нам, прежде чем бежать на кухню или на второй этаж.

– Ты часто здесь бываешь?

– Да. Особенно летом. Я снимаю в Болинас хибару и иногда захожу сюда потрепаться. Ем я здесь только по особым случаям.

Он, конечно, поддразнивал меня, но только чуть-чуть. Улыбка освещала его лицо, а взгляд говорил, что он не хочет меня обидеть. Крис был настроен по-доброму.

– Сколько лет твоей малышке? – довольно небрежно поинтересовался он, но я была благодарна и за это.

– Через месяц будет пять. Ужас что за ребенок! Цель ее жизни – стать ковбоем, и, если она узнает, что мы ездили верхом, надуется и будет молчать целую неделю. Она считает, что мы с ней только за этим сюда и приехали.

– Как-нибудь возьмем ее покататься. Она смелая?

– Да, не трусиха. Ей бы наверняка понравилось. Я начала ездить верхом как раз в ее возрасте.

– Охотно верю, но ты плохо знакома с западным седлом. Оно так натрет тебе задницу, что мало не покажется. Похоже, это уже случилось.

Я вспыхнула и открыла рот, чтобы ответить какой-нибудь гадостью, но вместо этого расхохоталась и подняла руки вверх.

– Сдаюсь. Ты прав.

Около часа мы болтали обо всем и ни о чем: о Калифорнии, о работе, о том, почему оба мы предпочитаем простую жизнь...

Вдруг в комнату вошли несколько человек, показавшихся мне смутно знакомыми.

– Ты куда смотришь? – спросил Крис.

– Никуда. Наверное, обозналась.

Трое хиппи очень напоминали Криса и обитателей дома. Все тот же облик. Видимо, поэтому мне и померещилось что-то.

– Ты их знаешь? – удивленно спросил он.

– Мне просто показалось.

– Давай разберемся. Забавно... – Он жестом велел им подойти поближе, и я чуть сквозь землю не провалилась.

– Крис... Нет, не надо... Честное слово...

Черт побери, это же помощники оператора! Все покатались со смеху. Они слышали наш разговор и сразу смекнули, что их шеф устроил очередной розыгрыш.

– Крис Мэтьюз, ублюдок паршивый... Привет, мальчики! Рада видеть вас снова. Чем закончилась съемка? Никто не утопил этих парней от Карсона?

– Нет, они уехали в джипе, как только вы оба слиняли. А потом мы славно кирнули с Джо и статистами. Мы честно отпахали целый день и подумали: какого черта? А с вами что было?

Казалось, они разговаривали не столько со мной, сколько со своим боссом, и я охотно отдала ему инициативу. Крису тоже не терпелось узнать, что они думают о съемках. Похоже, все остались довольны, и я облегченно вздохнула. Меньше всего на свете мне хотелось, чтобы Джо Трамино пострадал из-за нашего безумия. Нашего?.. Ну да, я ускакала с Крисом, и это выглядело достаточно скверно. Никто не ожидал подобной выходки от «стилиста из Нью-Йорка», в том числе и я сама.

Мы заплатили за обед и впятером вывалились наружу. Рядом с нашей лошадью стояли автобус, машина и трейлер. Было приятно снова увидеть буланую кобылу. Она напоминала мне о том, что произошло на пляже.

– Поеду в машине. Спасибо, что пригнали ее.

Они пожелали нам спокойной ночи и взяли лошадь под уздцы, а мы с Крисом забрались в его не вызывавшую доверия колымагу. Что будет, если на полпути заглохнет мотор? Мысль о пешей прогулке мне не улыбалась, но в такой компании я решилась бы на что угодно.

Педаль газа наконец подалась, а остальное оказалось проще простого. Ночь была ясная, и луна заливала дорогу серебряным светом.

Я перепела все старые, знакомые с детства песни, и Крис иногда вторил мне. Мы посматривали друг на друга, время от времени целовались и почти ничего не говорили. Этого не требовалось. Нам и так было хорошо.

Когда впереди замаячило скоростное шоссе, я ощутила разочарование. Неужели нет дороги подлиннее? Господи, как не хотелось видеть этих людей, эти машины... Вспомнились пустынная горная тропа и наш безлюдный пляж.

– Где ты живешь, Джилл?

Мы уже проехали мост. На одной стороне залива светились огни Созалито, Тибурона и Бельведера, а на другой сиял пламенем Сан-Франциско. Это было редкое зрелище: после заката обычно все скрывал туман.

– В Марине. У самого залива.

– Понятно.

Через несколько минут мы приехали.

– Будь добр, Крис, остановись у этой двери. Меня ждет Сэм.

– Какой еще Сэм? – приподнял бровь Крис.

– Моя малышка.

Он кивнул, и я с замиранием сердца поняла, что меня ревнуют.

– Подождать тебя или отваливать?

– Нет, подожди, пожалуйста. Я сейчас.

Я позвонила к соседям и забрала полусонную дочку. Оказывается, было всего девять часов. Крис сидел на моем крыльце. Я приложила палец к губам и передала ему ключ, пытаюсь не разбудить уснувшую у меня на руках Сэм.

Окинув девочку быстрым взглядом, он одобрительно кивнул и повернулся к двери. В тот же миг на всю улицу прозвучал звонкий голос пятилетнего ребенка:

– Мама, кто это?

Я только усмехнулась, а Крис громко захохотал.

– Это Крис Мэтьюз, Сэм. А это Саманта... Пора спать, юная леди. Сейчас я принесу тебе пижаму. Молока хочешь?

– Хочу.

Она уселась на стул и принялась пожирать глазами Криса. Он развалился на диване, вытянув длинные ноги. Волосы его были взлохмачены еще сильнее, чем днем на пляже. Я дала Сэм пижаму и отправилась на кухню, но остановилась, услышав хриплый шепот дочки:

– Ты ковбой, да?

В ее голосе слышалась отчаянная надежда. Интересно, что он ответит...

– Да. Имеешь что-нибудь против?

– Против? Нет... Нет... Я тоже хочу быть ковбоем! – выпалила она тоном заговорщика.

– Серьезно? Вот здорово! Может быть, мы как-нибудь выберемся покататься верхом. Но ты знаешь, что для этого нужно? – Я не видела лица Саманты, но могла представить ее широко раскрытые глаза, полные ожидания. – Нужно пить побольше молока и ложиться спать, как только скажет мама. Тогда ты вырастешь большой, сильной и станешь настоящим здоровенным ковбоем.

– А без этого нельзя? – разочарованно спросила Сэм.

– Можно. Но тогда, глупышка, тебя не возьмут в ковбои.

– Ох... Ну ладно...

Я вошла со стаканом, благодарная Крису до глубины души. Впервые в жизни Сэм залпом выдула молоко и стремглав понеслась к кровати, успев лишь помахать рукой и пробормотать:

– Спокойной ночи, мистер... мистер Криц. Как-нибудь увидимся на родео!

Я укрыла ее, поцеловала и вернулась к ужасно довольному собой Крису.

– Спасибо. Ты сильно облегчил мне жизнь.

– Славная девочка. Она мне понравилась. Настоящий пацан.

– погоди, ты еще не видел ее во всей красе. Просто застал ее полусонной. В следующий раз она накинет на тебя лассо и сдерет шкуру. Та еще штучка! – Но я была рада, что Сэм ему понравилась.

– Ты и сама хорошая штучка. Также можешь кого угодно заарканить и содрать шкуру, так что лассо я бы тебе не доверил. Кто хотел столкнуть меня с лошади? Хорошо, что я держал ушки на макушке! – Было видно, что эти воспоминания сильно забавляют его.

– Твое счастье. Я собиралась вышибить из тебя дух!

– За чем же дело стало? Может, попробуешь?

Он вытянул руки, и я послушно шагнула навстречу, не в силах бороться с нахлынувшим желанием. Давно мной никто не интересовался и не хотел как женщину. А теперь нашелся мужчина, который захотел. Пахнет ли здесь любовью – это уже другой вопрос, главное, он по-явился как раз вовремя.

Глава 3

В девять пятнадцать утра раздался телефонный звонок. Я так и подпрыгнула. Крис? Новая работа? Это не помешало бы: деньги были на исходе.

– Алло...

– Джиллиан? Это Джо.

– Ох... Привет! Ты по поводу вчерашнего?

– Ага. Решил позвонить и проверить, не злишься ли ты, что я втравил тебя в эту дурацкую историю, а заодно узнать, не сбросил ли он тебя со скалы.

Я злюсь? Вот так клюква...

– Ничего подобного. Я прекрасно провела время да еще и сто двадцать баксов заработала за здорово живешь. Правда, он немножко напугал меня водяным пистолетом.

– Да? Я думал, ты догадалась, что пистолет ненастоящий.

– Нет, не догадалась. Чуть не столкнула его с лошади, но в конце концов все закончилось как нельзя лучше.

Да уж... Как нельзя лучше...

– И слава богу. Слушай, у меня к тебе предложение. Ты свободна в пятницу вечером? – В пятницу? Тьфу... Значит, работа тут ни при чем. Он хочет назначить мне свидание. Вообще-то я предпочла бы встретиться с Крисом, а не с Джо. – Хочу пригласить тебя на ежегодный бал художественных руководителей. – Черт возьми, почему бы и нет?

– Спасибо, Джо. С удовольствием. – А вдруг позвонит Крис?

– Вот и отлично. Можешь надеть что хочешь. Люди мы без комплексов, церемоний не признаем и собираемся на складе в деловом центре. Звучит диковато, но будет весело.

– Ужасно заманчиво, Джо. Спасибо за приглашение.

– Прего, прего⁶, синьорина. Рад, что ты согласна. Я заеду за тобой в восемь. До встречи, Джилл!

– До встречи...

Я положила трубку и задумалась, правильно ли поступила. Раньше Джо никуда не приглашал меня, обижать его не хотелось, да и ссориться с работодателем не следовало. И хоть Джо не совсем в моем вкусе... А как же Крис? Тьфу, черт! Ладно, он поймет. С Крисом можно договориться. Снявши голову, по волосам не плачут. Если он позвонит, что-нибудь придумаем.

Неделя тянулась своим чередом, а Крис все не звонил. Мы с Сэм ходили на пляж, я выкрасила кухонный пол в красную, белую и голубую полоску, а на потолке нарисовала звезды, в пятницу получила заказ и два часа проработала в агентстве Фримена и Карсона, но Крис так и не дал о себе знать. Сама звонить ему я не хотела. Мы расстались в среду на рассвете, и он обещал звякнуть. Но вот когда... Может, на следующий год. Разыгрывает равнодушие? Нет, это не его стиль. Занят? Снимает кино? Но трубить от зари до зари тоже не в его духе... В пятницу вечером, когда я стала разогревать для Сэм ужин, на душе у меня было совсем кисло.

– Мама, почему ты уходишь?

– Потому что хочу развлечься. Ты ляжешь спать и не будешь скучать по мне.

Я старалась говорить бодро, однако чувствовала себя паршиво.

– Ладно... А беби-ситтер⁷ придет?

Я кивнула и молча указала на нетронутую тарелку.

⁶ Пожалуйста, пожалуйста (*ит.*).

⁷ Беби-ситтер – няня, приходящая по вызову (буквально: «сидящая с ребенком») (*англ.*).

– Я привяжу ее к стулу и подожгу веревку. Так делают индейцы. Это называется «индейский подарок».

– Нет, «индейский подарок» – это когда дарят, а потом отнимают. – Тут я вспомнила о сгинувшем Крисе, и у меня сжалось сердце. – И ни к чему ты беби-ситтер привязывать не будешь, не то так отшлепаю, что своих не узнаешь. Понятно?

– О'кей, мама...

Сэм уткнулась в чашку. Ее лицо выражало скуку и разочарование. Я пошла к себе, думая, что бы надеть на бал. Джо говорил, что они не признают церемоний... О, вот это годится! Я раскопала цветастую цыганскую юбку, о которой давно забыла, и оранжевую безрукавку, нашла ненадеванную пару замшевых туфель в тон и продела в уши золотые серьги в форме колец. Да, именно то, что надо. Приму-ка я ванну – может, настроение улучшится...

На часах было без десяти восемь, когда я вошла в комнату дочки и объявила, что пора спать.

– Сэм, собирай игрушки и надевай пижаму. Беби-ситтер явится с минуты на минуту.

– Ой, мама, как ты здорово оделась! Ты уходишь с мистером Крицем?

У меня подпрыгнуло сердце. Как бы я хотела уйти с «мистером Крицем»... А вдруг он действительно будет там?

Тут раздался звонок, и в дверь одновременно ввалились Джо Трамино и беби-ситтер.

– Сэм у себя в комнате, готовится ко сну. Привет, Джо! Спокойной ночи, Барбара. До свидания, Сэм!

Я послала в сторону комнаты дочки воздушный поцелуй и поспешила на улицу. Только комментарии Сэм мне и не хватало! К чертовой матери отсюда...

– Джилл, ты великолепна!

Глаза Джо счастливо сияли, и я почувствовала угрызения совести. Черт, а вдруг там действительно будет весело?

– Вы тоже очень элегантны, мистер Трамино. Высший класс!

На нем были замшевые джинсы табачного цвета и темно-красный свитер. Наши костюмы чудовищно не сочетались. Да ну, пустяки какие... Джо открыл дверцу машины. Забавно быть дамой мужчины, с которым вместе работаешь, но так всегда себя чувствуешь, когда появляешься на людях с коллегой.

– Слушай, может, нам пообедать по дороге? Ты бывала у «Николь»?

– Откуда? Забыл, что я здесь новенькая?

– Тебе понравится. Французская кухня. Язык проглотишь.

Он изо всех сил пытался сделать мне приятное! Бедный Джо... Самый завидный жених агентства Карсона. Красавцем его назвать было нельзя, но этот тридцатишестилетний мужчина имел хорошую работу, внушительное жалованье, обладал приятными манерами и чувством юмора. Однако он и раньше был мне безразличен, а теперь и подавно. Это не Крис.

Во время обеда мы подтрунивали друг над другом, и я изо всех сил пыталась держаться дружеского тона, а Джо всячески старался меня с этого тона сбить. Он заранее заказал самый лучший столик и не поскупился на вино и закуску. Роскошный ресторан был оформлен как большой летний шатер, разбитый посреди сада; столы покрывали красно-белые клетчатые скатерти, зал освещали свечи.

– Кто будет на этом балу, Джо? Я кого-нибудь знаю? – с деланным безразличием поинтересовалась я.

– Да все те же. Художественные руководители большинства городских агентств, статисты, фотомодели, кое-кто из актеров – ничего особенного.

Джо ничуть не насторожился, но понял, что я имею в виду Криса, и выжидающе умолк.

– Что ж, неплохая компания. У нас в Нью-Йорке тоже устраивают такой бал, но там собирается столько народу, что не встретишь ни одного знакомого лица. Огромная галдящая орда, как и весь город.

– Здесь все иначе. В сущности, Сан-Франциско невелик. Тут знают друг о друге все. Вот и я знаю, что некоторые люди не стоят любви. Я говорю о Крисе, Джилл.

Ну вот, добрались и до Криса.

– Да?

– Слушай, ты заставляешь меня чувствовать себя сводней. Я ведь подозревал, что так оно и выйдет. Даже другого стилиста нанял, но она, как на грех, заболела. Джилл, Крис отличный парень, я его обожаю, но он совершенно аморальный тип, коллекционирует женщин и заботится только о себе. Да, он веселый малый, однако упаси тебя бог влюбиться в него. Извини, что испортил тебе настроение, но я должен был сказать это. Не надейся, его там не будет. Он ненавидит такие сборища. Понимаешь, он хиппи, а ты хорошая девушка из приличной нью-йоркской семьи. И ты уже хлебнула лиха, прошла через развод... Не связывайся с ним.

Ничего себе... Целая речь!

– Ты придаешь этому слишком большое значение, Джо. У меня и в мыслях нет в него влюбляться. Я познакомилась с Крисом во вторник и с тех пор его в глаза не видела... – Увы! – Ты совершенно прав: работать с этим парнем интересно, но влюбляться в него не стоит. Однако я взрослый человек и могу постоять за себя. И я вовсе не увлечена им. Ты доволен?

– Ну ладно, поверю. Но мне будет жаль, если между вами произойдет что-нибудь серьезное. Я бы чувствовал себя чертовски виноватым... И грыз бы от ревности стены своей конторы. За тебя!

Он разлил по бокалам остатки вина и чокнулся со мной. Я выпила, молясь про себя, чтобы у Джо никогда не исчез повод ревновать меня к Крису.

Закончив обед, мы сели в машину, проехали центр, освещенный неоновой рекламой баров со стриптизом, и свернули на Бэттери-стрит. Когда-то здесь был порт. Его закрыли еще в начале девятисотых годов, но освободившуюся площадь начали застраивать относительно недавно, и район моментально стал престижным. Туда толпой хлынули архитекторы, однако работы было непочатый край, и унылые складские помещения до сих пор стояли бок о бок с современными зданиями из стекла и железобетона.

Джо остановился у одного из складов, и мы вошли внутрь. Зрелище было неопишечное. Стены были от пола до потолка задрапированы полотнищами блестящей ткани, отражавшей неоновый свет. Казалось, все вокруг пылает и вот-вот взорвется. Пол был усеян конфетти. Рок-группа в серебристых джинсах и блузах вовсю наяривала что-то оглушительное. В углу соорудили бар, остроумно оформленный в виде айсберга. На девице, раздававшей напитки, не было ничего, кроме юбочки из пластмассовых льдинок. А в центре и вдоль стен толпились гости, одетые, как и предполагал Джо, весьма... нестандартно. Розовый шелк, зеленая замша, платья с большими вырезами на груди, на спине или на груди и спине сразу, волосы всех цветов и оттенков радуги. Сапоги с прибабасами и джинсы. В общем, здесь царил кавардак, который способна устроить только артистическая молодежь большого города. Никто другой на это просто не осмелился бы. Я чувствовала себя кем-то вроде соглядата и благодарил судьбу, что догадалась одеться цыганкой. Это давало мне право безнаказанно глазеть по сторонам и не чувствовать себя белой вороной.

В углу стояла группа людей, которые почему-то пилились на потолок. Джо дернул меня за руку.

– Глянь-ка туда!

Я подняла глаза и не удержалась от смеха. К потолку на канатах был подвешен маленький, но абсолютно настоящий каток, на котором выступала фигуристка. Она была совер-

шенно спокойна и каталась под плавную мелодию, не имевшую ничего общего с сумасшедшим ритмом, который отбивала рок-группа. Потрясающе!

– Слушай, где они откопали такое чудо?

– Не знаю... погоди, то ли еще будет! Вот это, к примеру...

В углу крутила фуэте балерина. Каждые несколько минут она падала на пол, словно в полном изнеможении, но тут же оживала и снова принималась проделывать пируэты. Это было еще интереснее, чем номер фигуристки. Я начала озираться по сторонам. На глаза попался чудаковатый, одетый с иголочки, словно президент крупного банка. Он пробирался через толпу, не удостоивая никого взглядом, и выдувал чудовищные – размером с мой кулак – пузыри из жевательной резинки. С ума сойти! Как выяснилось, все фокусы и убранство зала придумала фирма по устройству зрелищ, называвшаяся «Капризы напрокат». Руководил ею молодой художник из Сан-Франциско. Он очень гордился своей выдумкой и имел на это полное право. Благодаря ему бал удался на славу.

Мы с Джо то и дело теряли и снова находили друг друга. Я встретила несколько знакомых из других агентств и танцевала с ними до упаду. Под конец мне стало казаться, что все присутствующие на одно лицо. Никто из них не напоминал Криса, никто из них не стоил его мизинца. А Криса здесь не было. Зато была я и ничуть не жалела об этом.

В начале четвертого я поняла, что нужно уходить. Бал был в самом разгаре, но я уже устала. Джо отвез меня на набережную, там мы выпили кофе и полюбовались заливом, на противоположном берегу которого уютно мерцали огоньки Созалито.

Машина остановилась у моего дома, и я с досадой увидела, что ни в одном окне не горит свет. Это означало, что беби-ситтер дрыхнет. Вот стерва!

– Спасибо, Джо, за чудесный вечер. Давно я так не веселилась.

– А у меня давно не было такой очаровательной спутницы. Может, повторим как-нибудь?

– Обязательно, Джо. Еще раз спасибо.

Я легонько чмокнула Трамино в щеку, быстро повернула ключ и с облегчением убедилась, что Джо идет к машине. Никакого беспокойства. Никаких приставаний. Тишина...

Я разбудила беби-ситтер и предложила вызвать ей такси, но у нее была своя машина. Через минуту девушка испарилась, и мы с Сэм остались одни.

Совершенно одни. Барбара сказала, что никто не звонил. Ни письма, ни записки. Скверно.

Глава 4

На следующее утро мы с Сэм проснулись поздно и отправились позагорать на пляж перед ленчем. Валяясь на песке, мы долго спорили о преимуществах и недостатках жизни ковбоев, а потом я описала ей бал. Балерина, фигуристка и человек, жевавший резинку, произвели на нее сильное впечатление. Ух ты! Вот это здорово! Самое забавное, что газета описывала это событие почти теми же словами.

В полдень мы съели по паре горячих сосисок с жареной картошкой и бросили крошки хлеба жадным крикливым чайкам.

– Мама, а что мы сегодня будем делать?

– Больше ничего. Почему ты спрашиваешь?

Никаких планов у меня не было. Поспать удалось всего три часа, а потом явилась Сэм и потребовала кукурузных хлопьев. Черта с два этот ребенок позволит мне побыть Спящей красавицей!

– Тогда пойдем к лошадям.

О боже... Может, заодно и в футбол сыграем? Ты же девочка, Сэм...

– Можно сходить в парк Золотых Ворот. Там есть лошади, – без всякого энтузиазма откликнулась я.

– Отличная мысль! – прозвучало у меня за спиной.

Я обернулась, не веря своим ушам. Крис!

– Привет, Джилл. Здравствуй, малышка. Слушайте, девочки, вы когда-нибудь бываете дома? Я дважды заезжал за вами на этой неделе, но никого не застал.

У меня словно гора с плеч свалилась.

– В самом деле? Что ж ты не оставил записку?

– И не собирался. Мне хотелось застать вас врасплох. Рано или поздно вы бы мне все равно попались!

Черт возьми, это произошло скорее поздно, чем рано! Но не будем придирааться. Главное, что он вернулся.

– Я рада тебя видеть. Как дела с фильмом?

– Отлично. Трамино готов облобызывать нас. – Нас? Похоже, он действительно очень доволен. – Давай не будем о работе. Кажется, вы собирались в парк. Можно мне с вами?

Опять дурачиться? Конечно, можно! После трехдневной разлуки я бы взяла его с собой даже к зубному врачу. Три дня – как три года...

– Мистер Криц, пойдемте с нами, пожалуйста!

Она сказала «по-жа-а-алуйста», и у меня растаяло сердце. Я счастливо кивнула.

– Конечно, Крис. Почему бы и нет?

– Спасибо, очень приятно. Но прошу вас, юная леди, не называйте меня «мистер». Иначе я буду величать вас Самантой. Как вам это понравится?

– Ф-фу! – Она скорчила такую физиономию, что мы с Крисом покатались со смеху.

– Так я и думал. Тогда называй меня Крис. Просто Крис. Ладно?

Она готова была лопнуть от радости, но я сурово покачала головой. Крис приподнял бровь.

– Ты что, Джилл? Кончай эти церемонии! Ну ладно, пусть будет «дядя Крис». Идет?

Казалось, он от души забавляется. У меня отлегло от сердца. Наверное, строгое воспитание лишило меня чувства юмора.

– Вот так-то лучше, – величественно кивнула я.

– О'кей, Сэм. Будешь называть меня «дядя Крис»?

– Мне тоже так больше нравится. Дядя Криц. Хорошо, – задумчиво кивнула она, улыбнулась и протянула ему последний картофельный чипс.

– Спасибо, Сэм. А теперь садись ко мне на закорки. Поиграем в лошадки?

– Да, да!

Она забралась ему на спину, обняла за шею, и мы выступили в поход. Я несла купальные полотенца. На душе было радостно. Предстоял веселый день!

Мы зашли домой, угостили Криса бутербродом с тунцом, прихватили щетку для волос, плюшевого медведя, бутылку вина, а потом сели в машину и отправились в парк. Две порядком уставшие гнедые лошадки катали посетителей. Сэм залезла в тележку с Крисом, и он в красках рассказал ей, как мы скакали по пляжу в день съемок и переплывали через бухту. Сэм слушала его открыв рот. Впрочем, я тоже.

Затем мы пошли в японский «чайный домик», отведали восточных сладостей и выпили чаю. А потом до пяти часов провалялись на траве в ботаническом саду. Сэм играла с плюшевым мишкой, а мы с Крисом незаметно прикончили бутылку вина. Были и прятки, и салочки – в общем, день прошел чудесно. Смертельно не хотелось возвращаться домой, но стало холодать.

– Как вы относитесь к домашней еде, мистер Мэтьюз?

– Ты умеешь готовить? – Казалось, он взвешивал мое предложение, и я тут же вспомнила о предупреждении Джо. Может, у Криса были другие дела...

– Кое-что умею. Но если будешь издеваться, можешь убираться ко всем чертям!

– Покорнейше благодарю. Раз вы так ставите вопрос, предпочитаю принять приглашение. – Он степенно кивнул, Сэм залилась довольным смехом, а я присоединилась к ней.

По дороге мы заскочили в супермаркет, а когда приехали домой, я отправилась на кухню готовить салат и спагетти с мясным соусом. В это время Крис купал Сэм. Они вышли из ванной взявшись за руки. Девочка была ужасно довольной, и я заподозрила, что они только сделали вид, будто помылись. А, черт с ними! Никто еще не умирал от капельки грязи.

– Эй, Джилл, а с обедом-то неладно вышло... – вполголоса сказал он, и я встрепенулась.

– В чем дело?

– Только не говори Сэм... В мясном соусе черви.

– Черви? Где? – взвизгнула я. Сэм червями не напугаешь, а вот меня сразу чуть не вывернуло наизнанку.

Он кивнул, ткнул вилок в кастрюлю и поддел ею макароны.

– Посмотри сама. В жизни не видал таких здоровенных червяков.

– Засранец, это же спагетти! – Словно он сам этого не знал...

– Серьезно? Не врешь? – На лице Криса расплылась мальчишеская улыбка, и я чуть не огрела его сковородкой.

– Глисты – это из моей задницы! Весь аппетит испортил...

– Джиллиан! – Ледяной тон Криса был ужасно похож на тон моего отца, и я согнулась пополам от хохота.

Мы сели за стол, и началось такое веселье, что Сэм с трудом удалось отправить спать.

О да, это сильно отличалось от вчерашнего безумного вечера, проведенного с Джо на балу! Нам было чертовски хорошо втроем. И пусть Джо Трамино катится к черту со всеми предупреждениями! Разве от Криса Мэтьюза можно ждать неприятностей? Просто у него такой стиль. Он любит шутки, розыгрыши, в нем много детского, он дружит с Сэм больше, чем со мной, ну и что? Он хороший человек, и впереди у нас долгая счастливая жизнь...

– Поедем завтра на пляж? – Он развалился на кушетке, потягивая вино и дожидаясь, когда я закончу возиться с посудой.

– Конечно. Отличная мысль. Стинсон-Бич? – Наши глаза встретились, словно мы одновременно вспомнили о том, что там произошло.

– Да, Стинсон-Бич... Послушай, Джилл, наверное, тебе следует это знать. У меня есть девушка. Я с ней живу.

Глава 5

Его признание прозвучало как гром среди ясного неба. Я подозревала это с первого дня, но не желала ничего знать. А делить его с кем-то мне тоже не хотелось. Крис сказал, что не так уж привязан к этой девушке. Не надо волноваться. Он все уладит. Крис говорил об этом так легко, что сомневаться не приходилось: он сдержит слово. Я верила ему.

Крис провел ночь в моей постели, и лишь под утро я с трудом заставила его перебраться на диван. Сэм пока не следовало знать о наших отношениях. Она слишком мала.

После странного завтрака, состоявшего из гренков по-французски, яиц всмятку и бекона, мы собрали корзинку с едой и в десять часов отправились на Стинсон-Бич. Предстоял славный денек, и, когда мы прибыли на пляж, я с легкой грустью убедилась, что там полно народу... Сэм тут же улизнула играть с другими детьми, и мы с Крисом остались наедине.

– Джилл, ты переживаешь? – Едва он открыл рот, как я поняла, о чем пойдет речь. – Из-за моей подружки, да?

– И да и нет. Эта мысль – как гвоздь в стуле, а я ревнива. Но разбирайся сам. Если она и вправду мало что для тебя значит, дело другое. Что ты намерен предпринять? – Это был пробный шар.

– О, она уйдет. Это просто хиппи-новичок. Я подобрал ее зимой. Она была совсем зеленая, осталась без денег, вот я и протянул ей руку.

– Не только руку...

На душе у меня стало кисло. Молоденькая, свеженькая...

– Эй, да ты действительно ревнивая. Остынь, беби. Она уйдет. Если хочешь знать, я вовсе не влюблен в нее.

– У нее красивое тело?

– Да, но у тебя не хуже, так что выбрось это из головы. На свете есть только одна девушка, которую я любил, но эта история давно кончилась. Можешь не беспокоиться.

– Кто она? – Мне нужно было знать все.

– Евроазиатка. Это было давно. Ее звали Мэрлин Ли. Она теперь в Гонолулу. Очень далеко отсюда.

– Думаешь, она вернется? – У меня явно начиналась паранойя.

– Я думаю, что тебе следует помолчать. Кроме того, я влюблен в твою дочку. Так что не морочь мне голову. Ты вылитая теща. Идеальный типаж.

Я швырнула в него горстью песка, а он прижал меня к земле и поцеловал.

– Мама, ты что, играешь с дядей Крицем? Я тоже хочу! – протиснулась между нами Сэм.

– Эта игра называется «искусственное дыхание», и в нее играют только взрослые. Лучше слепи мне лошадь из песка.

Дочка отнеслась к этой идее без восторга. Наша игра показалась ей скучноватой, и Сэм вернулась к друзьям. Мы, смеясь, смотрели ей вслед.

– Ты здорово умеешь обращаться с детьми, Крис. Я начинаю подумывать, нет ли у тебя пары-тройки собственных.

– Обожаешь ты задавать коварные вопросы, Джилл. Нет у меня детей. А если бы и были, то тут же отреклись бы от такого папаши.

– Почему? – Забавно. Он так хорошо ладил с Сэм...

– Ответственность. У меня на нее аллергия. Пошли поплаваем наперегонки!

Мы так и сделали, и я обогнала его на полдюйма. В отместку он чуть не утопил меня. Аллергия на ответственность, каково, а? Напрасно я заговорила об этом.

* * *

– Кто хочет пообедать по-китайски? – спросил Крис, вписываясь в очередной головокружительный поворот. Мы возвращались со Стинсон-Бич в прекрасном настроении. Сэм весь день играла, а мы беседовали о фильме. Крис был помешан на своей работе. Когда он говорил о съемках, у него сияли глаза. И я завидовала ему. Профессия стилиста таких восторгов не предполагает. Ты всего лишь добавляешь собственные штрихи к тому, что сделано другими. Крисом, например. Он из всего делал конфетку.

Предложение было принято на «ура». Когда мы прибыли в китайский квартал, Сэм затрясло от восторга. Дома здесь смахивали на пагоды, а вдоль улицы тянулись лавочки, битком набитые прелестными вещами. В воздухе стоял густой аромат благовоний, и у каждой двери висел маленький колокольчик.

– Джилл, ты любишь китайскую кухню?

– Обожаю! – Казалось странным, что он не знает этого. У меня было такое чувство, словно мы знакомы целую вечность и успели изучить друг друга вдоль и поперек.

Мы втроем одолели цыпленка «фу йонг», свинину в кисло-сладком соусе, креветок, акульки плавники, жареный рис, а потом пили чай с потрясающе вкусным печеньем. К концу обеда я почувствовала, что вот-вот лопну. По лицу Криса было видно, что и он сыт до отвала, а Сэм готова была уснуть прямо за столом.

– Похоже, все мы тут не дураки поесть, – заметил он и бессильно опустил руки вдоль туловища. Я фыркнула. – Еще одно печенье, и от меня осталось бы мокрое место...

– От меня тоже. Поедем домой.

В глазах Криса зажегся опасный огонек, но он ничего не сказал. Я тоже предпочла промолчать. Ладно, проехали...

– До возвращения я хотел бы показать тебе кое-что любопытное. А Сэм поспит в машине. Я отнесу ее.

Мы вперевалку двинулись к стоянке. Было чуточку жалко, что Сэм не сможет напоследок полюбоваться на чудеса китайского квартала. Что ж, придем сюда еще раз.

– Куда едем? – Мы миновали центр, пересекли авеню Ван Несса и оказались в одном из самых престижных районов города.

– Увидишь.

Мы доехали до Дивизадеро, и он свернул направо. Машина остановилась на вершине холма, откуда открывался великолепный вид на залив и окрестные горы. Вокруг было потрясающе тихо. От этой красоты щемило сердце. Весь Сан-Франциско был виден как на ладони...

Наконец Крис дал газ, и мы тихонько скатились с холма. Вокруг мелькали аккуратные, ухоженные домики. Вскоре их сменили роскошные здания Ломбард-стрит, и я тихонько вздохнула. Мы приближались к дому. Чудесный день подошел к концу.

– Не грусти. Еще не все.

– Правда? – обрадовалась я.

Проехав мимо доков, он остановился у яхт-клуба.

– Давай прогуляемся. Сэм спит крепко. Посидим минутку.

Мы вышли из машины и глубоко вдохнули свежий вечерний воздух. По обе стороны от нас тянулся залив. Ласково шелестел прибой. На душе было так легко, так безмятежно... Мы уселись на парапет, свесили ноги и уставились вдаль. Говорить было необязательно. Казалось, все и так ясно. Я больше не чувствовала себя одинокой.

– Джилл... – промолвил он, не отрывая глаз от залива.

– Да?

– Кажется, я люблю тебя. Звучит глупо, но это правда.

– Похоже, что и я люблю тебя, Крис. Пусть твои слова звучат как угодно, но я рада их слышать.

– Когда-нибудь ты можешь об этом пожалеть, – серьезно сказал он, глядя на меня в темноте.

– Сомневаюсь. Я знаю, что делаю. Ты тоже. Я люблю тебя, Крис.

Он наклонился, бережно обнял меня и поцеловал. А потом мы улыбнулись друг другу. Тишина. Мир. Покой. Все хорошо.

Мы молча проехали несколько кварталов и остановились у моего дома. Крис взял Сэм на руки, отнес в спальню и уложил на кровать. Потом он смерил меня долгим взглядом и вышел из комнаты.

– Тебя что-то гнетет, Крис?

Мы стояли в гостиной. Он глубоко задумался.

– Сейчас я должен вернуться к себе. Не заставляй меня чувствовать себя виноватым. Понимаешь? Никогда, Джилл, никогда... Да это тебе и не удастся...

Я хотела было что-то ответить, но его уже не было. Станный огонь горел в его глазах, когда он произносил эти бессвязные слова. А потом он исчез.

Глава 6

Понедельник – день тяжелый. Я получила заказ от рекламного агентства, с которым никогда раньше не имела дела, и провела весь день в поисках аксессуаров для назначенных на завтра съемок ролика, рекламирующего текстиль. Я с удовольствием рыскала по складам, копаясь в барахле и подбирая подходящие украшения, обувь, сумки, шляпы и прочие мелочи. Пришлось наведаться даже в антикварные магазины и лавочки. Стилисту мало хорошего вкуса и воображения, тут требуются еще и быстрые, крепкие ноги. За всем приходится бегать самой.

Художественный руководитель агентства пригласил меня на ленч в дорогой ресторан «Эрни». Ему было на вид лет сорок пять, он недавно развелся и был не в меру пылок. Он пытался пригласить меня к себе на кофе с коньяком, уговаривал съездить на Телеграфный холм, с которого якобы открывается чудесный вид на город. Мужик, хватит вешать мне лапшу на уши... У меня была еще куча работы. И Крис.

Напоследок я заскочила в меховой магазин Мэгнина и принялась рыться в соболиных шапках, горностаевых, норковых и леопардовых палантинах. Меха прекрасно сочетаются с текстилем, а здесь глаза разбегались от изобилия, красоты и роскоши...

Весь этот день Сэм пришлось опять провести у соседей, поэтому она очень разозлилась, увидев меня в черном шерстяном платье, купленном у Мэгнина. У меня было хорошее настроение, я чувствовала себя такой же богатой и преуспевающей, как посетители ресторана «Эрни».

– Это что, новое платье?

– Да. Нравится?

– Нет. Оно черное.

Упрямый ребенок. Ну и пусть. Замечательное платье. Я понимала, в чем дело: ей хотелось на пляж. Ничего, обойдется. Овчинка стоила выделки. Четыреста долларов за два дня.

– Пошли, Сэм. Я разогрею обед, а ты расскажешь мне, как прошел день.

– Отворительно...

– Ты хотела сказать «отвратительно»? Не-ужели действительно так плохо?

И вдруг она пулей понеслась к дому. Я проследила за ней взглядом и все поняла. У подъезда стоял Крис – только что из ванной, с чисто вымытыми взлохмаченными волосами, в новых джинсах и с букетом в руке.

– Ух ты! Замечательные цветы!

– Ты сама замечательная, Джилл. Слушай... Прошлым вечером я вел себя по-свински. Прости меня. Поверь, я искренне раскаиваюсь. Клянусь, сегодня вечером все будет по-другому, и...

– Успокойся. Вчера мне было очень хорошо и позавчера тоже. Все в порядке, Крис. Я понимаю. Честное слово.

– Эй, о чем это вы?

Я совсем забыла о Сэм. Она стояла рядом, совершенно сбита с толку.

– Ни о чем, Сэм. Иди мыть руки. Я разогрею обед.

– Не надо, Джилл. Я увожу тебя. Вызови беби-ситтер.

– Прямо сейчас?

– Прямо сейчас. С Сэм я договорюсь.

Крис указал на телефон и вышел из комнаты вслед за девочкой.

Он пришел просить прощения. С цветами... Верно, вчера мне довелось пережить несколько неприятных минут, но я не слишком расстроилась. Он всего лишь честно сказал мне, что с кем-то живет, и не остался ночевать. Я, конечно, переживала, но ведь надо же

ему когда-то и дома побыть, верно? Самое смешное, что я действительно понимала Криса и знала, что он не хотел меня обидеть.

Я позвонила беби-ситтер, и она согласилась прийти через полчаса. Но предстояла нелегкая борьба с Сэм. Я сомневалась, что Крис сумеет уговорить ее. Она – это не я. Поставив цветы в вазу, я стала ждать прихода дочки. Прошло ровно две минуты.

– Дядя Криц говорит, что тебе надо уйти, что ты весь день работала и все такое прочее. Ладно. Можешь идти, мама.

– Спасибо, Сэм...

Спрашивать разрешения у этой пигалицы было не так уж приятно, но я обрадовалась и тому, что она успокоилась. Крис принял удар на себя. Господи, как хорошо, когда в доме есть мужчина!

– А теперь одевайся. Надень что-нибудь красивое и сексуальное, чтобы я мог тобой похвастаться. И распусти волосы. Да будет вам известно, миссис Форрестер, – шепнул он, когда я пошла к двери, – что я чертовски влюблен в вас. До умопомрачения. Вы сводите меня с ума.

– Рада слышать.

Я прильнула к его губам, буквально впорхнула в спальню и принялась одеваться, прислушиваясь к возне в соседней комнате. Крис громко ржал, а Сэм с увлечением изображала ковбоя. Я была на седьмом небе.

– Куда мы едем?

– На Клэй-стрит. Коллеги-соперники дают обед. Но сначала я должен тебе кое-что сказать.

Интересно, что у него на уме? Крис остановил машину у края тротуара, с улыбкой обнял меня и крепко, до боли поцеловал.

– Ты потрясающе выглядишь. Я просил тебя одеться посексуальнее, но не до такой же степени!

– Ох, льстец...

Но его слова были мне приятны. Я надела зеленую с золотом индейскую рубашку в стиле хиппи, черные бархатные штанишки, черные замшевые ботинки и, как было приказано, распустила волосы. Под рубашкой ничего не было. Это сработало безотказно. Во всяком случае, у Криса всю дорогу подозрительно светились глаза.

Вечеринку устраивал известный в Сан-Франциско кинорежиссер, славу которому принес клип, рекламировавший лекарства. Он пригласил знакомых и друзей отметить это событие в его новом, только что построенном доме. К нашему приезду в пустом помещении толпились две сотни человек, прислушивавшихся к звукам блюза, которые лились неизвестно откуда. Какой-то стереофокус. Казалось, это было все, что хозяева успели сюда перевезти. Ни мебели, ни обоев на стенах... Единственным украшением дома были люди – ярко одетые, молодые, красивые, в общем, похожие на Криса. Вокруг мелькали волоокие девицы в рубашках в стиле хиппи, в джинсах в обтяжку, с волосами диковинных цветов и длиннокудрые юноши, костюмы которых ничем не отличались от девичьих. Почти все курили марихуану, и в воздухе стоял тяжелый запах «травки».

Дом был выстроен в псевдовикторианском стиле. Его украшала чудовищных размеров парадная лестница; казалось, она уходила прямо в небо. Вдоль перил стояли люди, увлеченные серьезными разговорами. Кое-кто ожесточенно спорил. Насколько я знала, именно так проходило в Сан-Франциско большинство вечеринок, но видеть их своими глазами мне еще не доводилось.

– Не скучновато, Джилл?

Я почувствовала себя слегка неудобно. Неужели мое разочарование так заметно со стороны?

– Нет. Просто здесь очень... благопристойно. Я ожидала другого. Пожалуй, мне тут нравится.

– А мне нравишься ты. Пойдем, я тебя кое с кем познакомлю.

Он взял меня под руку и повел через толпу, благоухающую ароматом гашиша и марихуаны. Вокруг были расставлены огромные кувшины с красным вином. Я насчитала их около пятидесяти.

Эта вечеринка складывалась как-то странновато. Она проходила очень спокойно и не имела ничего общего с балом художественных руководителей, состоявшимся в пятницу. Я ожидала, что вот-вот случится нечто экстравагантное: каждый из окружающих нас людей мог в любой момент сбросить с себя одежду и подать сигнал к всеобщей оргии... Но ничего не происходило. Напротив, казалось, толпа начинает потихоньку редеть. Через два часа я удивленно посмотрела на Криса.

– Похоже, это всего лишь увертюра? Или я ошибаюсь?

Крис искренне позабавил мой вопрос. Он сделал паузу.

– А ты как думаешь?

– Не знаю.

Я чувствовала себя как последняя дура. Хотя почему «как»?

– Ну, малышка Джиллиан, ты не так уж далека от истины. Но чтобы все понять, нам придется присоединиться к тем, кто ждет очереди у лестницы.

Мы стояли на первом этаже. Правда, в Сан-Франциско первым называли этаж, вознесшийся над вершиной холма на головокружительную высоту.

– Значит, все происходит наверху? – Меня распирало от любопытства.

– Может быть... – У Криса был застывший взгляд.

– Я хочу посмотреть, Крис. Покажи мне.

– Увидишь.

Он подвел меня к кучке людей, сгрудившихся в углу; мы сели на пол и принялись болтать. И тут я увидела, что гости поднимаются по лестнице и не возвращаются. Мы оставались одни, словно галька на берегу после отлива. Вокруг сидело не больше дюжины человек.

– Вечеринка окончена?

– Джиллиан Форрестер, что ты пристала как банный лист? Тут... Ладно, вставай. Мы идем наверх. – Похоже, началось то, чего я ждала. – Но я не уверен, что тебе это понравится.

– От какого тайного зла вы защищаете меня, мистер Мэтьюз? Так и не скажете?

Мы поднимались по лестнице, усеянной бездыханными телами. Кто упился, кто обкурился до потери пульса. Блюз сменился тяжелым роком, от звуков которого содрогался дом и холодело в животе.

На первой лестничной площадке Крис обернулся, смерил меня взглядом и страстно поцеловал. Его рука ласкала мою грудь. Рубашка была тоненькая, и это прикосновение заставило меня почувствовать себя обнаженной. Мне немедленно захотелось уехать домой и лечь в постель...

– Джилл, тут есть два местечка... Внизу принимают ЛСД, смотреть там особенно не на что. А вот наверху занимаются... совсем другим.

– Что там? Героин? – У меня расширились глаза. Я начала жалеть, что пришла сюда.

– Нет, глупышка. Не героин. Другое. Ладно, пошли. По-моему, ты уже созрела.

Он загадочно усмехнулся, взял меня под руку и буквально потащил по лестнице. Наконец мы оказались в зале под стеклянной крышей, освещенном лишь парой огромных свеч. Прошла минута, прежде чем глаза привыкли к темноте. Я ощущала присутствие множества людей, но не могла понять, сколько их и чем они занимаются. Поразило меня только то, что они почти не шумели. И тут я увидела все.

Мы находились на широком и длинном чердаке с прозрачным потолком и несколькими окнами. Как и во всем доме, здесь не было никакой мебели. Но зато было много движения. Слишком много. Здесь были почти все, кого мы видели внизу. Без малого двести человек, сбросив рубашки и джинсы, совокуплялись в самых диковинных позах, соединяясь в цепочки по четыре, пять и шесть человек. Это была оргия.

– Джилл, ты в порядке? – Крис внимательно следил за выражением моего лица.

– Я... Ух... Да... Конечно, Крис... Но...

– Что «но», любимая? Мы вовсе не обязаны принимать в этом участие.

За его спиной разыгрывалась сцена, от которой я не могла оторвать глаз. Две девицы занимались любовью друг с дружкой, двое мужчин жадно гладили их обнаженные тела, а третья девушка в это время просовывала язык между бедрами одного из наблюдателей.

– Я... Ух... Крис... Кажется, мне это не нравится.

Я была в этом убеждена, но стеснялась признаться. Мне было двадцать восемь лет, и я давно слышала о таких вещах. Но одно дело слышать, а другое видеть... Нет, участвовать в этом мне не хотелось.

Крис взял меня за руку и медленно повел обратно. Когда мы спустились на несколько ступенек, он улыбнулся и поцеловал меня. Поцелуй был нежным, а улыбка сочувственной. Он совсем не жалел о том, что мы ушли.

– Я отвезу тебя домой. – А потом вернешься сюда один?.. У меня упало сердце. Должно быть, это было написано на моем лице, и он быстро добавил: – Да нет же, глупышка! Не кипятись. Я могу обойтись без этого. Групповой секс – это скучно.

Я подумала о том, часто ли он занимался им, пока не пришел к такому заключению, но ничего не сказала. Спасибо и на этом. Слава богу, мы едем домой. С меня достаточно. Мое образование закончено. Теперь я знаю, что такое групповой секс. Баста!

– Спасибо, Крис. Наверное, у меня ужасно мятая рубашка.

– Ничего подобного. Выглядит вполне прилично. – Поглядев на мое прозрачное одеяние, он счастливо улыбнулся, поцеловал меня в грудь, вывел на улицу, и мы поехали домой.

Дорога не заняла много времени. Мы молчали, но я чувствовала, что мы стали еще более близкими друг другу. Крис остановил машину у подъезда и помог мне выйти. Неужели он уедет и на этот раз?

Я расплатилась с беби-ситтер, и та ушла, добросовестно известив меня, что никто не звонил. Меня разобрал смех. Тот единственный, от кого я ждала весточки, был со мной, а больше мне никто не нужен.

– Хочешь выпить, Крис?

Он покачал головой и пристально посмотрел на меня.

– Не сердись, что мы ушли?

– Нет. Мне нравится твой образ мыслей. Хватит, Джилл, уже поздно. Пора спать. Завтра у меня уйма дел.

– И у меня.

Мы погасили свет в гостиной и на цыпочках прокрались мимо спальни Сэм. Меня охватило чувство уюта и спокойствия. Я была рада, что он остался, и улыбалась от уха до уха. Как же быстро мы заговорили словно муж с женой: «Пора спать, завтра у меня уйма дел». Я сидела на кровати и терпеливо ждала, пока он снимет джинсы, мирно поцелует меня и уснет. Господи, разве нужна еще какая-нибудь любовь?

Я расчесывала волосы и еле заметно улыбалась.

– Джилл, ты что это делаешь? – удивился Крис.

– Разве не видишь? Расчесываю волосы, дурачок.

– Какого черта? Групповой секс – дерьмо, но оргию я просто отложил до дома... Иди ко мне.

Он встретил меня посреди комнаты и принялся раздевать. Я расстегивала рубашку на нем, а он на мне. Вскоре мы стояли прижавшись друг к другу, а потом мои слаксы упали на пол одновременно с его джинсами, и наши тела наконец слились воедино.

Глава 7

– Эй... Крис... Уже светает. А ты так и не поспал. – Я чувствовала себя слегка виноватой. Самую малость.

– Я не жалею об этом. А ты? Но пора на работу. Мы начинаем в шесть. – На часах было пять. – Одевайся и выходи. Хочу полюбоваться рассветом.

– Я тоже. – Не криви душой, старушка...

Мы влезли в одежду, все еще валявшуюся на полу, вышли из дома и уселись на крошечный газон под моими окнами. Земля была холодной и влажной, но как хорошо было сидеть и смотреть на восходящее солнце!

– Сегодня нет тумана. Идеальные условия для съемки. Хочешь посмотреть?

– С удовольствием бы, но не могу. Надо отправить Сэм в школу, а в десять у меня самой начинается съемка. Текстиль. Сначала они где-то будут снимать сами ткани, а к десяти должны приехать статисты. Съемки будут проходить в оперном театре. Смешно, правда?

– Да уж... А как ты думаешь, кто будет снимать? – хитро спросил он и отвел с моего лица волосы, собираясь поцеловать.

– Эй... Неужели ты?

– Кто же, по-твоему, порекомендовал тебя? – Крис напыжился от гордости.

– Черта лысого! Мне уже сказали, что это работа Джо Трамино, трепло ты этокое!

– Ну да, о'кей... Но я тоже сказал им, что ты отличный стилист.

– После того как мне позвонили!

– После, ну и что? Мальчишки обязаны заботиться о девочках.

– Не все мужчины так считают... Я рада, что мы будем работать вместе. Может, снова покатаемся на лошади? На этот раз переплывем оркестровую яму и поскачем по авеню Ван Несса...

– Можно попробовать. Беби, для нас нет ничего невозможного.

Он придвинулся, и мы улеглись на сырой траве, с улыбкой глядя, как встает солнце.

– Мне пора, Джилл. Увидимся на работе.

– Крис Мэтьюз, соседи отродясь не видывали такого необычного утреннего прощания.

Но мне оно по душе.

– То ли еще будет! А если соседям не нравится, пусть не смотрят.

– Они меня выселят, – игриво сказала я, провожая его к машине.

– Поговорим об этом потом. Пока рановато.

Он хлопнул дверцей, нажал на газ и был таков, прежде чем я успела задуматься над этими странными словами. Меня забавляла мысль о том, что сегодня мы будем работать вместе и что предводитель банды киношников будет чувствовать себя не лучше моего. Уж я-то точно знала, чем он занимался сегодня ночью. Никто из нас и глаз не сомкнул. Ко всем чертям оргию на Клэй-стрит! Мы устроили свою собственную.

Я подошла к оперному театру ровно в десять, полюбовалась роскошным зданием и улыбнулась. Более неподходящего места для Криса нельзя было представить.

Мне объяснили, как пройти за кулисы, и я начала рыться в вещах, которые отобрала вчера. Навстречу попались люди из агентства. Казалось, они были довольны моей работой. Съемки должны были пройти удачно.

В ролике собирались снимать семь местных манекенщиц, еще троих привезли из Лос-Анджелеса. Девушки были на редкость красивые, а наряды просто потрясающие. Все – от вечерних платьев до купальников – было сшито из тканей ручной работы.

Я раздала девушкам предназначенные для них наряды и аксессуары и отправилась искать Криса. Это не заняло много времени – киношники расположились в оркестровой яме,

облюбовав секцию струнных инструментов. Они лакомились тако⁸ и бутербродами с салями, запивая их газировкой с вишневым сиропом.

– Привет, мальчики! Это завтрак или ленч?

– Ни то ни другое. Что-то среднее. Спускайся к нам и попробуй. – На секунду мне показалось, что Крис рассердился, но тут же раскаялся в этом. Кажется, ему не очень хотелось афишировать наши отношения. Это меня обрадовало. Сочувствие Джо Трамино мне не требовалось. По крайней мере пока.

Спрыгнув в оркестровую яму, я примостилась рядом с Крисом, отщипнула кусочек тако и сделала плоток газировки.

– Знаете что, мальчики? Это совершенно несъедобно...

– Черт поberi, она права!

Все охотно согласились со мной, но аппетита это никому не испортило, и трапеза продолжалась, пока нас не известили, что все готово. Нам разрешили воспользоваться оперными декорациями, прекрасно смотревшимися на заднем плане. Стоя в кулисах, я проверяла каждую девушку и следила, чтобы между выходами не было перерывов. Когда манекенщицам приходилось повторять дубль, я смотрела на ложи и ярусы и вспоминала торжественные премьеры, на которых публике полагалось быть во фраках и белых галстуках. Где эти времена? Забавно. Все прошло без следа.

– О чем замечталась, Джилл?

– Да ни о чем особенном... Ты почему здесь?

– Мы закончили.

– Уже? Но ведь всего... – Я посмотрела на часы и осеклась. Они показывали четверть пятого.

– Все правильно. Мы отработали полных шесть часов. Сейчас заберем Сэм и двинем на ближайший пляж.

– Есть, босс! – отсалютовала я, и мы рука об руку вышли из театра.

Когда Крис был рядом, время летело незаметно. На этот раз обошлось без всяких выходов. Просто тяжелая работа и поцелуи украдкой в оркестровой яме.

Мы взяли Сэм и побрели на пляж. Она гонялась за чайками, а мы играли в «слова», записывая их на песке. Так продолжалось до самого заката.

– Сэм, пора домой!

Она была на другом конце пляжа и явно не торопилась возвращаться. Но Крис живо справился с ней.

– Иди сюда, пигалица, я прокачу тебя.

– Давай, дядя Криц!

Она со всех ног кинулась нам навстречу, залезла Крису на спину, и они поскакали домой. Я смотрела им вслед. Ребенок и мужчина, которых я люблю. Саманта Форрестер и ее лошадка. Мой мужчина...

– Что ты сегодня делаешь, Джилл? У тебя есть работа?

Всю неделю Крис оставался на ночь, и у нас вошло в привычку завтракать втроем. Привычка привычкой, но я чувствовала себя словно на рождественских каникулах.

– Нет. Может, съездим в Стинсон? Толькождемся Сэм.

– Не могу. Сегодня в три у меня будет одна работенка. Новый сигаретный клип.

– Что ж, хорошо. Тогда я займусь уборкой. Вернешься к обеду?

Я впервые задавала ему подобный вопрос и затаила дыхание.

– Скорее всего нет. Посмотрим.

⁸ Тако (от исп. *taco*) – свернутая лепешка с начинкой из мясного фарша или сыра.

Я ждала, но Крис так и не пришел. Он за-явился только через два дня, в четверг, как ни в чем не бывало. Внешне ничто не изменилось, но у меня в душе засела заноза. А у Сэм и подавно. Если бы Крис не появился до конца недели, мне пришлось бы привязать девчонку к стулу и заткнуть ей рот. У меня больше не было сил отвечать на ее бесконечные расспросы.

Хотелось узнать, где он пропадал, но я не осмелилась. На обед я приготовила гамбургеры и жаркое по-французски, а потом мы пошли к Свенсенам на Хай-стрит. Там было самое вкусное в городе мороженое.

– Хочешь покататься на автомобильчиках, Сэм?

Дочка в это время расправлялась с земляничным мороженым, а мы доедали шоколадное с орехами. Каждому свое.

– На автомобильчиках? Ура!

После аттракциона мы закатились в магазин Фишермена, и Крис купил Сэм воздушного змея. Ну разве можно было остаться равнодушной к такому мужчине? Он рыскал вокруг нас, словно щенок дога, успокоил меня и окончательно очаровал Сэм. К моменту возвращения домой мы снова были неразлучной троицей. И все было бы замечательно, если бы не...

– Поедем завтра в Болинас, Джилл?

Мы лежали в постели. Вокруг было темно.

– Смотря какая будет погода, – осторожно ответила я.

– Не ворчите, миссис Джиллиан. Я имею в виду уик-энд. Один человек одолжил мне свою лачугу до самого понедельника.

– Серьезно? – обрадовалась я. – Это было бы чудесно!

– Вот и я так подумал. А сейчас хватит дуться. Я вернулся, и я люблю тебя.

Он поцеловал меня в шею и приложил палец к моим губам, заставив замолчать. Настала ночь любви. К утру мы окончательно помирились.

Уик-энд в Болинас удался на славу. «Лачуга», которую кто-то одолжил Крису, представляла собой домик с двумя спальнями, стоявший посреди леса. Мы каждый день ездили на пляж, пообедали разок у Уотсона, а остальное время проводили дома. Там было спокойно и очень уютно. После Нью-Йорка Сан-Франциско казался тихим городком, но уик-энд в Болинас поколебал мою уверенность. Вокруг царила такая блаженная безмятежность, что в понедельник, когда настала пора уезжать, я чуть не заплакала.

Вся следующая неделя прошла в хлопотах. Я получила новый заказ от Карсона, но на сей раз Крис работал в другом месте. Он аккуратно являлся к обеду, проводя с нами все вечера и большинство ночей. Лишь один уик-энд прошел без него, а потом Крис не отлучался целую неделю. Куда он исчезал, осталось тайной, но лишних вопросов я не задавала, и все потихоньку успокоилось.

Нам было удивительно хорошо вдвоем, и я постепенно привыкла к его отлучкам: у меня появлялось свободное время, что было совсем нелишним.

Проходила неделя за неделей, и к концу мая я удивилась, поняв, что мы прожили вместе всего два месяца, а не два года. Я стала Крису Мэтьюзу женой, матерью, дочерью и подружкой одновременно и не могла представить себе, что было время, когда мы не знали друг друга. Он был мне и товарищем, и любимым человеком. Казалось, это его забавляло. Правда, эгоистом Крис был отчаянным: никогда не делал того, что ему не хотелось, и заставлять его было бесполезно. А я и не пыталась, просто принимала его таким, каков он есть. Я была взрослее, но такой меня сделала жизнь. Да и Сэм не позволяла забыть об ответственности. Крис же понятия не имел о подобных вещах. Он заботился лишь о себе самом, а когда это доставляло ему удовольствие, то и обо мне.

Как-то в четверг мы лежали под деревом в парке и бездельничали. Стояло чудесное утро, мы наслаждались покоем и были счастливы. Вдруг я вспомнила, что в воскресенье праздник – День поминовения. В общем-то, это дела не меняло – все дни слились бы в один

сплошной уик-энд, если бы кого-нибудь из нас время от времени не вызывали в понедельник на работу.

– Что ты будешь делать на праздники, Крис?

– Уеду из города.

– Забавно...

Я сорвала травинку и принялась щекотать его за ухом. Интересно, когда же Крис наконец расстанется со своей подружкой? Он ведь так и не удосужился от нее избавиться.

– Это не шутка, Джилл. Я уезжаю в Болинас на все лето. Хочешь со мной?

– Ты серьезно? – Сначала я удивилась, но потом вспомнила, что два месяца назад он мельком обмолвился, что снимает в Болинас хижину. Но его планы так легко менялись...

– Серьезно. Я собирался переехать туда завтра или в субботу. Хотел предупредить, но ты меня опередила. Почему бы вам с Сэм не пожить у меня?

– А что дальше? Крис, она и так не отходит от тебя. Если Сэм привыкнет к тому, что ты все время рядом, что же будет, когда настанет время возвращаться? Ей уже пришлось пережить одну разлуку... Я не знаю...

– Не будь такой щепетильной. Сначала она побудет с нами, а потом... Ты ведь все равно собиралась отправить ее на Восток повидаться с отцом. Так или иначе ей придется расстаться со мной. – А со мной?.. – И надолго она уедет?

– С середины июля до конца августа. Примерно на шесть недель.

– Понятно. Так из-за чего же сыр-бор? Она проведет шесть недель с нами и шесть недель с ним. Мы сможем побыть одни... Джилл, пожалуйста... Тебе понравится, честное слово...

На меня смотрел голодный одинокий ребенок, и я не выдержала. Мне хотелось смеяться и плакать. Жить с Крисом... О лучшем и мечтать не приходилось, но что потом?

– Ладно, посмотрим. Как быть с работой?

Довод был неудачный, и мы оба знали это.

– Ерунда. Я ведь тоже работаю не в Болинас. Там есть телефон, тебе позвонят, если что... Черт побери, не хочешь – не надо!

Он обиделся, и я почувствовала угрызения совести. Но ведь он ни словом не заикнулся, что уезжает. В этом был весь Крис.

– Хочу, хочу, успокойся, ради бога... Хорошо, я поеду. Я боюсь слишком сильно привыкнуть к тебе, вот и все. Неужели не понимаешь? Я люблю тебя, Крис, и хочу жить с тобой, но, когда лето кончится и мы опять переберемся в Сан-Франциско, я уеду на Восток, а ты вернешься к своей подружке... – Я слишком долго гнала от себя эту мысль.

– Ты ошибаешься, Джилл. Она переедет на следующей неделе. Я все ей сказал.

– Ты? Все сказал? О-го-го!

– Вы правы, юная леди. О-го-го... Если это случится, ничто не помешает вам с Сэм в сентябре перебраться ко мне. Мой дом достаточно велик, чтобы вместить нас всех.

Господи, что ты за человек, Крис? Риторический вопрос. Я знала, что он любит нас, но тряслась от страха при мысли о том, что эта девица никогда не уедет.

– Крис Мэтьюз, знаешь что?.. Я люблю тебя. Болинас – это здорово. Пошли домой, надо собрать вещи.

– Да, мэм. К вашим услугам.

По дороге меня осенило, что я никогда не видела его городского жилья – просто знала, что Крис обитает на Сакраменто-стрит, и все. Мне сразу ужасно захотелось взглянуть на дом, где нам предстояло жить. Нет, надо подождать. Он сказал: «Если это случится». А почему бы ему не случиться? Я не видела для этого никаких причин. Совершенно никаких.

Глава 8

– Крис!.. Сэм!.. Ленч готов!

В большой красной эмалированной миске лежала дюжина бутербродов с арахисовым маслом, рядом стоял кувшин молока. Мы собирались устроить трапезу под большим деревом, росшим на задворках «лачужки», которую Крис снимал каждое лето. Теперь этот домик стал нашей дачей. Он был прелестен. Год назад Крис расписал его яркой солнечно-желтой краской в разноцветную крапинку. Это был простой, но очень удобный деревенский домишко, от которого было рукой подать до пляжа. А больше нам ничего и не требовалось.

– Иду, мамочка! Дядя Криц сказал, что днем мы будем кататься верхом.

Саманта, шатаясь под тяжестью ковбойской кобуры, которую подарил ей Крис, сунула в рот сэндвич и довольно вздохнула.

– Поедешь с нами, Джилл?

– Еще бы!

Я посмотрела на Криса поверх головы Сэм, и мы обменялись улыбками заговорщиков. Все складывалось прекрасно. Лучше не бывает. Мы уже месяц околачивались в Болинас, и жизнь казалась нам сказкой. Мы купались, ездили верхом, по вечерам сидели на крылечке и не могли наглядеться друг на друга.

Через две недели Сэм предстояло уехать к Ричарду, чтобы провести у него остаток каникул. Я привыкла к этой мысли, успокоилась и все чаще подумывала о том, что скоро мы с Крисом останемся наедине. О большей удаче и мечтать не приходилось.

– Эй, Джилл, что с тобой?

Внезапно я почувствовала дурноту. Желудок медленно подступил к горлу, а потом стремительно рухнул вниз.

– Не знаю... Наверное, съела что-нибудь.

– Арахисовое масло? Не может быть. Просто перегрелась на солнце. Иди ложись. Я присмотрю за Сэм.

Я последовала совету, и через полчаса мне полегчало.

– Дорогая, так ты едешь с нами?

– Пожалуй, лучше отложить на завтра...

– О черт, совсем забыл... Вечером я уеду в город. На завтра есть работа.

Счастливчик... У меня не было заказов уже три недели. Лето – пора застоя. Ну и пусть! Жизнь в Болинас была дешевая.

– Когда вернешься? – Господи, какая разница? Мы никуда не торопились и не строили никаких планов.

– Завтра вечером или послезавтра. Все зависит от того, сколько мы провозимся со съемками. Это документальный фильм. Заказ от властей штата. – Он блеснул зубами. – Не волнуйся, я вернусь.

– Рада слышать.

Но он не вернулся ни завтра, ни послезавтра. Его не было три дня, и я уже начала беспокоиться, тем более что звонок на Сакраменто-стрит оказался безрезультатным.

– Черт побери, Крис, где тебя носило?

– Слушай, перестань. Ты ведь знала, что я вернусь, так из-за чего шум?

– Из-за того, что с тобой могло что-нибудь случиться.

– Займись своими делами, а о себе я сам позабочусь.

Вот и все. Конец дискуссии.

– Ладно. Завтра я сама еду в город. Звонил Джо Трамино. Заказ от Карсона.

– Здорово.

Ага... Здорово... Шлялся где-то три дня и даже позвонить не удосужился... Но спрашивать ни о чем не хотелось.

Вечером Крис вел себя так, словно ничего не случилось, и на следующее утро я оставила Сэм на его попечение, села в машину и к девяти уже была в городе. Съемки закончились довольно быстро, и Джо пригласил меня на поздний ленч в ресторан «Энрико» на Монтгомери-стрит, рядом с новым зданием финансового центра. Мы устроились под открытым небом. Было тепло, солнечно, зеленую листву трепал прохладный ветерок.

– Хорошо поработала сегодня, Джилл. Ну что, кажется, жизнь тебе улыбнулась? – поинтересовался Джо. Похоже, он все знал.

– У меня все в порядке. В полном порядке.

– Кажется, ты похудела.

– Ты говоришь в точности как моя мама!

Но он был прав. После отравления бутербродом с арахисовым маслом я так и не оправилась, хотя с тех пор прошла почти неделя. Наверное, сыграло свою роль беспокойство за Криса.

– Ладно, молчу. Но я был прав. Волосы на себе рву, что познакомил тебя с этим парнем, и от ревности грызу стены своей конторы. Разве не слышала?

Мы рассмеялись, и я покачала головой.

– Джо, хоть ты и порядочное дерьмо, но я тебе благодарна. Заруби себе на носу: мы с Крисом по-настоящему счастливы. И все из-за тебя. Спасибо.

Глупо было убеждать в этом Джо, но он искренне заботился обо мне, и промолчать было бы просто грешно. В конце концов он действительно сделал для всех нас доброе дело. В том числе и для Сэм.

Ленч прошел чудесно. Мы говорили о съемках, о куче других вещей, и, когда настала пора уходить, я немного огорчилась. Так хорошо было сидеть, болтать о всяких пустяках, смотреть, как приходят и уходят посетители... Что ни говори, а Джо отличный товарищ.

На обратном пути я заехала домой, захватила почту, всякие мелочи вроде воздушного змея и тронулась в путь. Возвращалась я немного раньше, чем думала, и предвкушала, что вот-вот переоденусь и пойду купаться. День выдался жаркий.

* * *

– Эй, люди, я приехала!

Никто мне не откликнулся, хотя шел уже шестой час. Наверное, они еще на пляже. Может, махнули в Стинсон?

– Алло, есть кто живой? – Но было ясно, что в доме пусто, иначе Сэм давно бы кинулась мне навстречу.

Я сбросила туфли и босиком прошла на кухню выпить чего-нибудь похолоднее. Вдруг до меня дошло, что дверь спальни закрыта. Странно. Отродясь у нас этого не было... Господи, уж не случилось ли чего? Во мне заговорил материнский инстинкт. Сэм!

Я осторожно подошла к двери, остановилась, глубоко вздохнула и повернула ручку. Сэм там не было, зато был Крис и еще кто-то. Они занимались любовью. На нашей с ним кровати.

– Ох-х... – Я застыла как вкопанная, губы у меня округлились, а глаза тут же наполнились слезами. Когда я открыла дверь, Крис повернул голову. Лицо его ничего не выражало. Как и смотревшие на меня голые ягодицы. Это меня доконало. Ни гнева, ни страха. Ничего. Когда я вошла, девица забилась от ужаса, что-то пробормотала, задохнулась и испуганно огляделась по сторонам, словно желая выпрыгнуть в окно. Я не могла осуждать ее, потому что чувствовала себя точно так же. Наверное, нам обеим следовало выпрыгнуть в окно и

оставить Криса одного. Но мы этого не сделали. Крис крепко схватил ее за руки и удержал, а я с силой хлопнула дверью. Что я могла сказать? Во мне бушевал неистовый гнев. И тут меня осенило. Я круто развернулась, распахнула дверь настежь и обратилась к Крису:

– Мне насрать на то, чем ты занимаешься с этой шлюхой, но где моя дочь?

С кровати донесся еще один вопль ужаса, Крис обернулся и злобно посмотрел на меня, но что значил его гнев по сравнению с моей яростью?

– Мать твою, ты думаешь, что я связал ее и засунул под кровать? Несколько часов назад Джиллмуры пригласили ее на пикник. Я сказал, что заеду за ней в шесть.

– Можешь не беспокоиться! – Девица снова закорчилась в железных объятиях Криса, и я снова ощутила всю гнусность этой отвратительной сцены. – Через час я вернусь за вещами!

Я снова хлопнула дверью, подобрала валявшиеся на полу туфли, схватила сумку и босиком побежала к машине. К черту Кристофера Мэтьюза! Если ему нравится скотская жизнь, пусть наслаждается ею, но без меня. Не хочу иметь с ним ничего общего... Нет, спасибо... Паршивый, подлый, жалкий обманщик... Я гнала машину к дому Джиллмуrow, задыхаясь от рыданий. По щекам текли слезы. Заберу Сэм, и к чертовой матери отсюда! Оно и к лучшему. Как хорошо, что я не отказалась от городской квартиры! Сегодня же вечером мы вернемся и забудем о Крисе. Его нет и не было. Все кончено...

Въехав на участок Джиллмуrow и спохватившись, что слезы могут выдать меня, я остановилась и вытерла глаза. Мир рухнул, но как я посмотрю в лицо Сэм?

На порог вышла босая Элино́р Джиллму́р и помахала мне рукой.

– Привет, Джиллиан! Как прошел день?

Как прошел день? Издеваешься, да?

– Нормально. Спасибо за то, что пригласили Сэм на пикник. Она наверняка визжала от восторга.

У Джиллмуrow было пятеро детей, и двое из них были примерно одного возраста с Сэм, так что они не скучали. Ходить к ним в гости – все равно что на детскую площадку.

– Привет, мама, можно я останусь на обед? – тут же выскочила откуда-то Сэм.

– Нет, моя радость, пора домой... – Да уж, домой... В Сан-Франциско, в родную Марину...

– У-у-у, мама... – заканючила она, но я покачала головой.

– Не капризничай, Сэм. Мы действительно едем домой. Спасибо, Элино́р. Пошли, малышка. – Я крепко взяла ее за руку и повела к машине. На крыльцо высыпал весь выводок Джиллмуrow, и мы помахали им на прощание. – Хорошо провела время?

– Да. А на обед будет что-нибудь вкусненькое? Может, устроим пикник с дядей Крицем?

– Пикник уже был, а теперь тебя ждет сюрприз. Нам нужно на несколько дней вернуться в город. У мамы дела.

«Несколько дней»... Вполне разумное объяснение. А через неделю за ней приедет отец.

– Зачем? Не хочу в город! А дядя Криц тоже поедет? – Эта мысль несколько утешила ее.

– Нет, моя радость. Ему придется побыть дома.

Ты права, малышка. Черта с два он здесь останется. Когда мы вернулись, я была блее мела и даже боли не ощущала. Мне все еще хотелось прикончить его, но Сэм не следовало знать о случившемся.

– Джилл... – окликнул дожидавшийся на крыльце Крис.

– Привет, дядя Криц! Пикник был замечательный!

– Привет, Сэм. Сделай одолжение, еще раз полей за меня деревья. Они умирают от жажды, как ковбой в пустыне. Пожалуйста.

– Конечно, дядя Криц! – выпалила польщенная Сэм и с готовностью побежала выполнять поручение.

- Джилл... – Он двинулся в спальню.
- Лучше помолчи. Я не желаю тебя слушать. Я все видела и никогда этого не забуду. Мы с Сэм возвращаемся в город. Завтра утром кто-нибудь пригонит тебе машину.
- Насрать мне на нее!
- И на нее тоже? Так, это мое, это тоже мое... – Я вытаскивала из шкафа одежду и швыряла ее на неубранную кровать. Кровать, на которой он трахал эту девку. Ублюдок. Мог бы по крайней мере застелить эту проклятую постель!
- Джилл, пожалуйста...
- Нет. Никаких «пожалуйста». Я сыта по горло. Хватит.
- Слушай, все это пустяки. Она для меня ничего не значит. Между нами все остается по-прежнему. Я подобрал ее в городе. – В голосе Криса звучало отчаяние.
- Вот как? Я очень тронута. Ах, она ничего для тебя не значит? Тогда я значу еще меньше. Все эти месяцы ты продолжал спать со своей девицей. Приходил, обедал, проводил со мной ночь, а потом исчезал на три дня. А теперь трахнул новенькую. Должно быть, из любви к искусству. В нашей постели... Будь она проклята, эта постель! И зачем я только в нее легла? Это было большой ошибкой.
- Нет, Джилл, это не ошибка. Я люблю тебя, и ты этого заслуживаешь. Но я мужчина, пойми, ради бога, и мне нужно время от времени развлечься.
- Так же, как со мной? – От моего крика чуть не рухнули стропила.
- Ты не для развлечения, Джилл. Ты для жизни. Я люблю тебя, – почти прошептал он. – Пожалуйста, Джилл, не уходи. Ты мне нужна. Извини, что так вышло.
- И ты извини. Но я все равно уйду.
- Однако моя решимость поколебалась. Значит, я для жизни? Что бы это значило?
- Крис, я нюхом чую, что этому конца не будет. У меня больше нет сил.
- «Извини»... Какого черта? За что? И тем не менее я просила у него прощения.
- Зачем ты делаешь из мухи слона? Ведь ничего особенного не случилось. Честное слово...
- Может, для тебя в этом и нет ничего особенного. Но не для меня. Ты представляешь, что я чувствовала, когда вошла и увидела, как ты, нацелившись на меня задницей, трахаешь эту потаскуху, раскинувшую ноги на пятнадцать ярдов? – При мысли об этой картине меня затошнило.
- Да, в твоём изложении это выглядит ужасно... – Он говорил очень тихо, и мне тоже волей-неволей пришлось сбавить тон.
- Так оно и выглядело. Особенно с моего места. Я чуть сквозь землю не провалилась. Значит, я не удовлетворяю тебя как женщина? Мог бы сказать об этом раньше. Я знаю одно: стоит нам унести отсюда ноги, как ты в ту же минуту смотаешься и трахнешь кого-нибудь еще. Джо Трамино был прав.
- Едва эти слова сорвались с языка, как я тут же о них пожалела. Не надо было впутывать сюда Джо.
- И что обо мне говорил этот вонючка даго? – моментально взбеленился Крис.
- Ничего особенного. Просто он сказал, что ты сделаешь меня несчастной. Похоже, он не соврал.
- Вранье! Мы были очень счастливы. По-явись ты, когда обещала, мы бы с Сэм мирно обедали на кухне и ты бы так ничего и не узнала. А если бы ты по-настоящему любила меня, то все поняла бы и не стала устраивать сцен.
- Ничего себе...
- Ты что, смеешься?
- Нисколько. Это могло бы случиться и с тобой, Джилл. Но я бы не ушел. Потому что я люблю тебя и понимаю: в жизни всякое бывает.

Меня поразила не столько эта мысль, сколько его тон – спокойный, грустный, мудрый... Наверное, такие вещи случаются на каждом шагу. Но почему именно со мной? И почему я должна с этим мириться?

– Джилл, может быть, ты все-таки переночуешь и подумаешь до утра? Ведь это же глупо. Растрясешь Сэм в машине. Завтра мне так и так надо ехать на работу; если ты не передумаешь, я подброшу вас в город.

Я бы не осталась в этом доме ни минуты, но он заботился о Сэм. Меня охватили сомнения, и Крис это почувствовал.

– Ну... Ладно. Ради Сэм. Но ни на что не надейся. Я буду спать на диване. Пропади ты пропадом вместе со своей спальней! – Я поставила полупустой чемодан на пол и вышла из комнаты.

– Я приготовил обед, Джилл. Успокойся. Ты неважно выглядишь.

– Я и чувствую себя неважно. Но Сэм я накормлю. Мне есть не хочется, а ты можешь позаботиться о себе сам.

Я вышла на улицу. Сэм усердно поливала деревья и виду не показывала, что слышала нашу ссору.

– Сэм, дорогая, ты проголодалась? Будешь есть холодного цыпленка?

– Буду, мамочка.

Теперь сомнений не оставалось. Что-то она все-таки слышала. Уж больно послушный у нее вид. Но я была ей благодарна.

– Ты хорошая девочка.

– Спасибо, мамочка. А дядя Криц будет обедать с нами?

– Нет, не будет. – Слова застревали у меня в горле.

– О'кей.

Она молча съела холодного цыпленка, безропотно надела пижаму и отправилась спать. Укрывая ее, я чуть не заплакала. Господи, как я перед ней виновата! Этот человек вошел в нашу жизнь только для того, чтобы потом уйти. Или заставить уйти меня. Так нечестно! Не следовало мне переезжать в Болинас. Чувствуя угрызения совести, я поцеловала Сэм и выключила свет.

– Спокойной ночи, моя радость. Приятных снов.

Я пошла на кухню, чтобы сварить кофе. По щеке катилась одинокая слеза. Сил больше не было. Отвратительный день. И никаких надежд на то, что завтра будет лучше.

– Как чувствуешь себя, Джилл? – спросил незаметно вошедший Крис.

– Спасибо, хорошо. Ты не мог бы присмотреть за Сэм? Я хочу прогуляться.

– Да, конечно. О'кей.

Я тихо закрыла дверь и пошла к пляжу, спиной чувствуя взгляд Криса.

Стоял теплый, тихий вечер. Тумана не было и в помине. Днем я была слишком занята, чтобы обращать внимание на такие мелочи. Ярko светили звезды, но и это не могло улучшить настроения.

Волны с тихим шелестом накатывались на берег. Я легла на холодный песок и не то задумалась, не то впала в забытие. Хотелось побыть одной, подальше от Криса. И как можно дальше от его дома.

Мимо протрусил бродячий пес, понюхал воду и побежал дальше. И тут я не раздумывая разделась догола, скользнула в море и медленно поплыла к длинной косе на краю Стинсон-Бич, вспоминая тот день, когда мы с Крисом пересекали эту бухту, держа за поводья краденую лошадь. День, когда мы познакомились. Первый день, такой непохожий на сегодняшний. Не-ужели прошло целых три месяца?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.